

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Впервые на русском

Монс

Каллентофт

Дикая весна

DETECTED. Тайна, покорившая мир

Монс Каллентофт

Дикая весна

«ЭКСМО»

2010

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Каллентофт М.

Дикая весна / М. Каллентофт — «Эксмо»,
2010 — (DETECTED. Тайна, покоровшая мир)

ISBN 978-5-699-89613-4

Полиция Линчёпинга, в которой служит детектив Малин Форс, бросила все свои силы на раскрытие резонансного преступления, взбудоражившего всю Швецию. На центральной площади города прогремел мощный взрыв, в результате которого погибли две маленькие девочки-сестры. Версия теракта не подтвердилась, подозрения о маньяке – тоже. Тогда в голову детектива пришла на первый взгляд абсурдная мысль: а что, если взрыв был направлен именно против сестер? Что, если они кому-то очень сильно мешали?..

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-699-89613-4

© Каллентофт М., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	50
Глава 10	52
Глава 11	58
Глава 12	61
Глава 13	66
Глава 14	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Монс Каллентофт

Дикая весна

Этот роман – чистейшей воды вымысел и ничего иного. Всякое сходство с реальными людьми или событиями является случайностью. Я также позволил себе некоторые географические вольности.

Mons Kallentoft
Vårlik

© 2010 Mons Kallentoft. First published by Natur & Kultur, Sweden. Published by arrangement with Nordin Agency AB and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

Пролог

Май 2010 года (В пространстве тьмы)

Где ты, папа?

Ты должен быть рядом со мной.

Куда ты пропал? Папа, папочка, приходи скорее!

Братишка плачет.

Он совсем маленький. Лежит на полу и плачет, он описался. Здесь пауки – а вдруг и змеи приползут? Ящерицы, вараны с желтыми зубами – это они скребутся? Ты будешь виноват, если мы умрем, папа!

Он говорит: «Плохие, плохие!»

Как дома у бассейна, папа. Он боялся прыгнуть в воду, даже с надувными рукавами. А я не боюсь. Я смелая. Я смелее его, потому что мне шесть лет, а ему три, хотя скоро будет четыре.

Я вся вспотела, мне жарко. Но только иногда. Я сняла свитер. Можно мне было снять свитер? Опять звуки, и я слышу, как дядьки снова пришли. Свет под дверью исчезает, что-то тикает, и становится темно, и пусть братишка замолчит, иначе они побьют нас. Я боюсь, и я кричу: «Не бейте меня! Не бейте!»

И тогда свет под дверью появляется снова, и дядьки уходят, но скоро они вернутся – они нас тогда убьют? Они убьют нас, папа?

Нас заперли, и я хочу, чтобы наспустили. Они приносят нам еду, у нас есть горшок, и нам дали мелки – мы рисуем фигуры на полу и на стенах. Мы их не видим, но все равно рисуем.

Мне страшно. Братишка боится еще больше.

Что это тикает? Где эти мерзкие ящерицы? Они блестят в темноте.

Как ужасно все время бояться... Я обнимаю братишку, он теплый, он плачет, и это как страшный сон, о котором я никому не хотела рассказывать. Поэтому все это происходит теперь, папа, что я никому не рассказывала?

Если быть добрым, то к тебе все будут добрыми.

Как ты, папа. Ведь ты добрый, правда? Ты вправду добрый, и я выпускаю его из рук, стучу в запертую дверь, кричу: «Не приходите! Я не хочу умереть! Мы не хотим умирать!»

Скорее, папа, приходи!

Шестью годами раньше

Мое тело стонет от желания испытать безусловную любовь, ощутить кипение в жилах – только этого оно и желает.

Это самое главное из всех чувств – моя единственная потребность, единственное, чего хочу я.

Вас отобрали у меня.

Я сама так захотела, о вас никто не знает. Я отдам вас другим людям, которые, я надеюсь, будут добры к вам.

Не предполагалось, что вы вообще появитесь на свет, а вас к тому же оказалось двое, и я вижу себя в палате, вижу, как бледный мертвый весенний свет стокгольмского неба про-

низывает унылое помещение, падает рентгеновскими лучами на линолеумный пол, пытаюсь прогнать меня прочь...

Я оставлю вас. Навсегда. Я отдам вас, и у вас не останется обо мне никаких воспоминаний, а кто ваш отец – это и вовсе не имеет значения. Может быть, меня изнасиловали, когда я валялась в беспамятстве в одном из притонов или в жестком голубом свете туалетов на Центральном вокзале, или кто-то воспользовался мною в одном из тайных помещений пустых переходов метро, когда я заснула крепким сном химического счастья.

Но однажды оказалось, что вы есть во мне. А теперь вы лежите в соседней комнате, скоро вы увидите свою новую мать и нового отца, и я хочу кричать, но это должно произойти, я хочу прочь отсюда, любовь не для меня, и вы останетесь моей огромной, всепоглощающей тайной.

Вашим отцом мог быть кто угодно.

Так что никогда не задавайтесь этим вопросом.

Вот открывается дверь в мою палату, я вижу вас, и вы – самое прекрасное на этой планете! Не забывайте этого! Вы плачете – может быть, свет слишком резкий? Вы лежите у меня на руках, мне удастся вас убаюкать.

«Не спеши, – говорит акушерка, – твое время у тебя никто не отнимет!»

И она забирает вас, а я цепляюсь за край кровати и рыдаю, но так будет лучше, так будет лучше. Вас унесли от меня, но знайте, что мама любит вас.

В коридорах университетской больницы повис запах смерти и бактерий, с которыми не справятся никакие антибиотики, и я вылезаю из постели, натягиваю свою одежду, висящую в шкафу, пробираюсь по коридору в лифт, стараясь никому не попадаться на глаза, потому что они наверняка попытаются остановить меня. Однако никто не замечает меня – я знаю, как сделаться невидимой.

Я не чувствую ни стыда, ни вины.

Или чувствую? Бесполезно прислушиваться к своим чувствам.

Я так тоскую без вас. И я не могу, не хочу сдерживаться.

Вскоре я сажу в такси, которое высаживает меня у площади Сергеля, и я, спрятав в ладони свернутую тысячную, здороваюсь с темнокожим мужчиной, которого знаю. И легко нахожу дорогу в самые отдаленные закутки станции метро, где собрат по несчастью одолжит мне шприц и зажигалку. Укол – и мир снова становится таким, каким он должен быть, раскрывает мне объятия, избавляет от тяжелых чувств.

Час спустя я стою на Сенной площади в душном вечернем свете. Повсюду камеры видеонаблюдения. Они видят меня.

Я же вижу двух девочек, лет семи, бегущих по черно-белым плитам площади к окнам Дома культуры, – вижу, как они отражаются в окнах, но не могу различить их лиц. Я оборачиваюсь. Люди стоят группками, некоторые кивают в мою сторону, словно говоря: «Так ты вернулась...»

Я киваю в ответ.

Снова оборачиваюсь.

Девочки исчезли.

Растворились в своем отражении.

Часть I

Жадная любовь

Глава 1

Линчёпинг, 7 мая, понедельник

«Кажется, в небе можно увидеть свое отражение, как в зеркале, – такое оно сегодня оглушительно-надрывно-голубое. Оно такого же цвета, как огонь у самого жала сварочного аппарата», – думает мама, шагая по плитам Большой площади, где булыжники тесно прижались друг к другу, спаянные тысячами человеческих шагов; шагами людей, которые проносились здесь туда и обратно, в погоне за тем, чего они хотели получить от жизни.

Солнце стоит низко, его лучи пронизывают атмосферу, как блестящие острые копья, прежде чем обжечь лица людей, сидящих под огромными зонтами, натянутыми над летними верандами кафе «Мёрнерс инн» и Центрального отеля. Обманчивое тепло, в глубине которого еще таится зимняя стужа.

Мама смотрит в сторону здания, где расположено бюро по продаже недвижимости, – в окнах угадываются отчаянные объявления. Она отмечает, что возле банкомата пусто, и поднимает глаза к часам под кровлей – тяжелые стрелки, кажется, прибиты гвоздями в определенном положении, однако они могут двигаться, она знает это наверняка.

Четверть одиннадцатого.

Пустые витрины по обеим сторонам площади. Магазины и кафе, которым пришлось закрыться в связи с экономическим кризисом. Объявления о распродажах еще остались, умоляют прислушаться к ним среди пылицы, танцующей в лучах света.

«Удивительно, как мало людей на улице», – думает она. Никакого блошиного рынка, никаких крестьян, пытающихся продать экологически чистые овощи, выращенные в теплицах; никаких эмигрантов, торгующих фруктами без кассы, никаких барахольщиков, продающих за нелепые цены всякую мелочь, которой давно место на помойке.

Но старичок, торгующий горячими сосисками с маленького переносного прилавка, на своем месте. Он сидит на корточках под своим оранжево-желто-красным зонтиком в ожидании проголодавшихся гуляющих, мечтающих недорого перекусить.

Десять крон за горячую сосиску. И продавец цветов тоже тут со своими розовыми, желтыми, красными и оранжевыми тюльпанами.

Дети – девочки-близнецы, которым уже шесть, – бегут впереди нее, подбегают к банку «SEB», останавливаются у банкомата, где она обычно снимает деньги, прежде чем отправиться по другим делам. На девочках одинаковые розовые куртки, одинаковые джинсы, белые кроссовки с четырьмя красными полосами на боку.

Их двое, однако они дышат, движутся, говорят как один человек. Они во всем похожи. Незнакомые люди обычно не различают их, однако умиляются той радости, энергии и красоте, которую излучают девочки, словно все их существование – хвалебная песнь этому миру и тому, что они существуют в нем.

Светлые волосы взъерошены ветром, фигурки движутся в такт, но немного порывисто и непредсказуемо – свидетельство того, что так много еще всего интересного в самих себе и в огромном мире, который в данный момент, на этой площади, в их маленьком провинциальном городишке принадлежит им целиком.

Мама вдыхает весенний воздух.

Она ощущает запах распустившихся тюльпанов, отчаянный запах, словно цветы хотят шепнуть ей: «Почему наша жизнь так коротка, когда твоя, ваша такая долгая?»

«Вы принимаете все как данность, – думает мама, глядя на своих дочерей. – Я же ничего не принимаю как данность – знаю, что все можно потерять...»

Мужчина в черной куртке с поднятым капюшоном ставит свой велосипед рядом с банкоматом. Не запирая велосипед на замок, он рукой в перчатке осторожно поправляет рюкзак на багажнике.

Мужчина оставляет рюкзак, но не снимает деньги в банкомате, а идет через площадь в сторону улицы Букхолларегатан.

Мама не думает о том, кто этот человек. Почему на нем капюшон, несмотря на весеннее солнце, почему он оставляет велосипед и рюкзак.

Девочки уже подбежали к банкомату. Они оборачиваются к ней и улыбаются, и ей хочется подбежать к ним, схватить их на руки, обнять, поцеловать – показать им, как она их любит, чтобы эта любовь дала им чувство защищенности, уверенности и свободы.

Но тут им на глаза попадается прилавок с сосисками. Привычка и голод заставляют их пробежать мимо матери и прямо к старичку, скучающему под зонтом от солнца за прилавком, разукрашенным изображениями сосисок.

Они скачут перед мужчиной в капюшоне, и он тоже спешит туда.

«Есть ли у меня наличность?»

Конечно же, в кошельке лежат две монетки по десять крон. Она роется в сумочке в поисках кошелька, а мужчина с черной бородой уже дал девочкам по сосиске в булочке. Когда она подходит, он кивает ей, как старой знакомой.

– Сок. Они любят грушевый, не так ли?

Грушевый. Или яблочный.

Мужчина говорит с резким акцентом. Она роется на дне сумочки – и они лежат там, как она и помнит, две десятикрупные монетки, холодные на ощупь. Она протягивает их мужчине, который кивает, благодарит и приглашает их заходить еще.

Девочки бегут к белым тумбам, похожим на куски сахара, стоящим перед Центральным отелем, возле натянутого, как парус, куска брезента, отделяющего летнюю веранду кафе.

Девочки отбрасывают длинные тени, и мама бежит за ними, крича, чтобы они были осторожны и не закатали свои новые куртки кетчупом. Потом она спохватывается, возвращается к прилавку, а продавец уже стоит с протянутой рукой, держа в ней две салфетки.

Она качает головой, удивляясь собственной забывчивости, и вскоре уже сидит на одной из белых тумб рядом с дочерьми и смотрит, как они едят, видит, как они уверенно и привычно расправляются с жирными сосисками.

Солнце ласкает им щеки, заставляя их слегка покраснеться.

На открытой веранде сидят люди.

«Кто вы такие?» – думает она, стараясь избегать мыслей и чувств, на которые у нее нет сил. С претензией одетый пенсионер в синем клубном блейзере, в бежевых шерстяных брюках. Волосы зачесаны назад. Кем он раньше работал – инженером на заводах самолетной техники «Сааб»? Профессором в университете? А может, он в прошлом главный врач нейрохирургического или ожогового отделения университетской больницы? Или самый обычный старичок, всю жизнь гнувший спину, который теперь пытается украсить свою старость, изысканно одеваясь? Стараются придать торжественности своей жизни, чтобы не думать о неотвратимо приближающейся смерти...

Она проклиная себя за эти мысли.

За одним из столиков на веранде ресторана Мёрнерса четыре пожилых иммигранта играют в кости. Они выкладывают на стол спички, так что она не сомневается – играют на деньги. За другим столиком – прогульщики старшего школьного возраста, ибо они наверняка прогуливают, если у них не «окно» в такой ранний час. За другими столами сидят люди всех возрастов – наверняка те самые безработные, потерявшие работу, когда местные предприятия начали закрываться одно за другим. В их глазах отчаяние, тревога – удастся ли найти новую работу? Или все пропало и они не смогут прокормить семью, обеспечить своим детям достойный старт в жизни?

Сильно накрашенная молодая женщина в белом плаще курит.

«Я узнаю ее, – думает мать, – она работает в салоне красоты возле церкви Святого Ларса».

Мимо заведения Мёрнерса проходят трое мужчин в темных костюмах – возможно, служащие одного из немногочисленных в городке адвокатских бюро. Или просто банковские клерки, мечтающие стать финансовыми воротилами. Такие все еще есть, даже в Линчёпинге. Они поправляют свои галстуки, мерцающие на солнце, как мерцает дешевый шелк фабричного производства. А может быть, они продавцы копировальной техники или мобильных телефонов или работают в страховой фирме, расположенной на площади...

Возле столика на веранде Центрального отеля сидит группка студентов университета. Технари, судя по их интеллигентному виду и немного неуклюжему поведению. Джинсы, вязаные свитеры, кроссовки для дальних переходов. В маленьких портфельчиках у них наверняка компьютеры. На столе перед ними – самый обычный кофе безо всего.

«Что я знаю о людях в этом городе?» – размышляет мать, вытирая дочерям рты салфеткой. Сосиски уже съедены, и теперь ее обожаемые девочки по очереди тянут через трубочку зеленый сок с химическим привкусом, который так любят.

«На самом деле я ничего не знаю, – думает она. – Только то, что мы живем бок о бок, и мы такие разные, и мы не ссоримся лишь потому, что решили проявлять друг к другу терпение. Однако всех нас связывает одно – вне зависимости от количества денег на счете, происхождения или профессии – у всех у нас одна и та же простая мечта о счастье!»

Но иногда мы кусаемся. Кусаем друг друга. Но только не сейчас. Не здесь. В такой чудесный весенний день ничего плохого не может случиться. В эту минуту Линчёпинг – один из самых надежных и безопасных коконов для человеческой жизни».

Местный красно-оранжевый автобус останавливается возле памятника Фольке Фильбютеру, потомку первого королевского рода Швеции. Несколько человек садятся в автобус, который продолжает свой путь к замку. Попрошайка, пожилая женщина с редкими волосами, сидит с протянутой рукой возле торговой галереи.

– Ну что, вы наелись?

– Да, мамочка.

– Тогда пойдем снимать деньги.

– Можно я буду нажимать на кнопки?

– И я тоже, я тоже хочу!

– Мы можем нажимать вместе!

И они устремляются через площадь к банкомату, где по-прежнему стоит велосипед с рюкзаком на багажнике.

Мать видит афиши в витринах банков. Узнает стиль прежних объявлений и компаний; ей не хочется вспоминать имя, но оно приходит само.

Куртзон.

Банк «SEB» отдал рекламное место в своих витринах фирме гениального, но не любящего яркого света финансиста.

Девочки уже подбежали к банкомату, возле них открывается автоматическая дверь банка, и на улицу выходит мужчина с большими загорелыми руками. На его плечах – кожаный жилет. Оглядевшись, мужчина улыбается девочкам и уходит в сторону старого здания суда.

Мать быстрыми шагами приближается к девочкам, но спотыкается о булыжник мостовой, который оказывается чуть выше остальных, и роняет сумочку.

Бумажник выкатывается на мостовую.

Зеленая блестящая карточка «Виза».

На счету еще немало денег. До конца месяца осталось прилично, а «резерв» она пока вообще не трогала.

Она опускается на колени, ощущая хруст в коленных суставах.

Девочки стоят возле банкомата, и она видит их, словно в замедленном кино – как они играют, делая вид, что вставляют карточку, нажимают на кнопки и затем вынимают из окошка для выдачи купюр огромное сокровище.

Сумочка снова в руке, и, уже собираясь подняться, она слышит шипение, переходящее в оглушительный свист. Словно трещотка гремучей змеи вибрирует с такой силой, что звук сливается в единый гул.

Она видит, как девочки замирают и зажимают уши ладонями, и понимает, что звук исходит из рюкзака на багажнике велосипеда, и она хочет броситься к ним, но не может пошевелиться, ибо ее тело застыло в бессмысленной позе. Она видит и то, как меняются лица девочек, – словно звук из сумки невидимыми ядовитыми зубами впивается в них всех троих.

И тут мать кричит.

Но ее крик тонет в холодной бело-голубой вспышке, за которой следует жар за пределами возможного, и ее отбрасывает назад. А затем остается только тишина, покрывающая бесконечно болезненный гул, несущийся над всем городом и дальше над только что проснувшимися лесами и зеленеющими полями, над водой и человеческим жильем.

А девочкам кажется, что мир исчезает, словно разорванный на куски миллионами кровожадных хищников, чтобы потом раствориться в заливающим все свете и снова возникнуть в иной ипостаси – где-то в белом пенистом небе без начала и конца.

Глава 2

«Ты теперь на небе, мама?»

Приближаясь к гробу, в котором лежит ее мать, Малин Форс ощущает легкую вибрацию под ногами. Она слышит отдаленный гул, но ни сотрясения, ни звуки не вызывают дребезжания стекол в часовне Вознесения.

«Наверное, взрывают у Ламбохове, где строят дорогу», – думает Малин, опуская глаза и разглядывая черные кружева на подоле своего длинного черного платья.

«В Линчёпинге много строят благодаря антикризисным мерам и то и дело что-нибудь взрывают. Или происходит нечто другое – может быть, это ты, мама, хочешь что-то сказать и всем своим отрицанием мира заставить его взлететь на воздух?»

Последний снег давно растаял, обнажая глинозем, под которым притаилась трава, ожидающая своего часа, и Малин, стоя у окна гостиной в своей квартире, видела, как голые, внешне безжизненные ветки бьются на весеннем ветру, и ей показалось, что она почти ощущает, как поток жизни течет под их корой, пытаясь заставить черное зазеленеть, переродиться в нечто новое. Возможно, сама жизнь пела в ветках дерева, и Малин почувствовала, что что-то должно произойти, что эта дикая весна обнажит нечто, сокрытое в потемках душ.

Стоя перед окном, она сделала глубокий вдох. Отнесясь к приближению весны с осторожностью, справившись с зимней неудержимой тягой к алкоголю, справившись с одиночеством, Малин подумала, что всегда что-то происходит и весна всегда держит свои обещания.

Сейчас в ее руке красная роза.

Она видит раскрашенные темперой стены часовни, вкрадчивые оттенки оранжевого и голубого и возвышение, на котором стоит гроб, – в той части, где потолок наиболее высок, чтобы подчеркнуть сакральное ощущение.

Вибрация и гул стихли. Она стоит спиной к собравшимся и думает, что это не гроза, ибо небо совершенно голубое, ни единого белого пятнышка, а деревья и земля в очередной раз создают жизнь после зимы, спеша доказать свое плодородие.

«Стебель розы обрезан, без шипов, его можно держать в руке без всякой опаски. Вся боль убрана – разве не этого ты хотела, мама, не в этом ли была твоя тайна?»

Малин останавливается у гроба. Слышит тишину, дыхание остальных.

«Собравшихся не много – по маме скорбят папа, я, ее внучка Туве. Но действительно ли мы оплакиваем тебя, мама, – Туве и я? Тот факт, что я хотя бы шепотом произношу этот вопрос, стоя у твоего гроба, уже само по себе событие, не так ли?»

За спиной у меня не слышно всхлипываний, не слышно плача. Я ощущаю только затхлый воздух часовни, чувствую, как солнце, проникая сквозь тонкие шторы, согревает все помещение, но не ситуацию, и когда закрываю глаза, то вижу твое лицо, мама, жесткие устремленные вниз морщины вокруг твоих губ и твой взгляд, который никогда не встречался с моим.

Я вижу тебя, мама, когда поворачиваюсь к остальным, сидящим на скамьях, и мне хотелось бы сказать, что я испытываю скорбь, но я не испытываю ничего».

* * *

Телефонный звонок раздался дождливым субботним утром тремя неделями раньше, когда Малин была одна в кухне и готовила овощное пюре – один из психотерапевтических приемов, которым она теперь иногда предается, чтобы унять тягу к текиле, ко всему, что способно гореть...

Голос папы звучал на другом конце возбужденно и нервно, печально, однако твердо. И все же Малин показалось, что где-то в глубине его голоса слышится нотка облегчения.

После первых слов он расплакался, но потом взял себя в руки и рассказал, что они с мамой были на поле для гольфа «Абама», как мама на третьей или четвертой лунке выбила мяч за ограждение и увидела, как он исчезает в волнах Атлантики; как он заметил, что у нее испортилось настроение, однако она сдержалась. Но вот на следующем ударе клюшка у нее соскользнула, и мяч улетел в густой кустарник под пальмами – и это ее доконало.

«Я увидел, как она покраснела. Потом схватилась за горло, словно не могла дышать, и упала в траву, в свежестриженную траву, и не шевелилась. Малин, она уже не шевелилась и не дышала, понимаешь, что я говорю? Ты понимаешь, Малин?»

Она все поняла.

– Папа, ты где?

– В больнице Тенерифе. Они привезли ее сюда на «Скорой».

Она задала следующий вопрос, хотя уже все знала, услышала по особой интонации в голосе отца – той интонации, которую много раз улавливала в голосах родственников, которым в качестве инспектора криминальной полиции сообщала о смерти близких.

– Как она себя чувствует?

– Она умерла, Малин. Она была мертва уже тогда, когда ее клали на носилки.

Папа. Долговязая неуверенная фигура где-то на скамейке в холле какой-то испанской больницы. Он без конца проводит рукой по сидящим темным волосам.

Ей хотелось бы, чтобы он был рядом – чтобы можно было утешать его, но тогда, стоя у плиты и помешивая булькающие в горшке овощи, она поймала себя на том, что не испытывает ни тревоги, ни страха, ни даже грусти, а лишь видит перед собой гору практических дел, которыми теперь предстоит заниматься.

«Туве. Янне, мой бывший муж. Я должна рассказать им. Огорчится ли Туве?» Малин смотрела на часы из ИКЕА на стене кухни, потом увидела свое посвежевшее, узкое лицо, отраженное в оконном стекле, светлые волосы, стриженные под пажа, обрамлявшие выступающие скулы, и вспомнила, что на следующей неделе записана к парикмахерше.

– Малин, она умерла. Ты понимаешь это?

– Есть там кто-нибудь рядом с тобой?

– Малин!

– Кто-нибудь может приехать к тебе?

– Хассе и Кайса Экваль уже едут сюда. Они отвезут меня домой.

– Я закажу билет на самолет. Завтра я приеду.

– Не надо, Малин. Я справлюсь сам.

И снова она услышала ту же нотку облегчения в голосе отца. В нем звучало обещание, что она сможет снова завоевать что-то, обернуться однажды, глянуть через плечо и увидеть себя в зеркале, познать свою самую сокровенную тайну.

* * *

Гости, пришедшие на похороны, сидят, сгорбившись, на скамьях часовни.

Ближайшие родственники в первом ряду.

Тело мамы, доставленное сюда с Тенерифе самолетом.

Малин стоит рядом с гробом и видит, как папа плачет – тихо, беззвучно. Туве, облаченная в потрясающе красивое черное платье с мелкими белыми цветами, кажется, уже заскучала. Они заранее условились, что Малин подойдет к гробу первой, а Туве – после дедушки.

В руке у Туве белая роза, которую она выбрала сама. Глядя на свою шестнадцатилетнюю дочь, Малин ощущает укол совести. За то, что так часто бывала плохой матерью, ставила работу, а потом и выпивку на первое место.

Янне сидит рядом с Туве в неуклюжем синем костюме, купленном в «Дрессмане», судя по всему, специально для этого случая. На скамьях позади них сидят еще человек десять, тоже все в темном. Пожилые пары папиного возраста. Некоторые из них ей знакомы еще по Стюрефорсу – это те, с кем ее родители общались в ее детстве.

Никаких братьев и сестер. Таковых у нее не имелось.

Никаких других родственников тоже.

Гроб простой модели, без всяких украшений, вокруг него – несколько венков с Тенерифе. Имена на венках Малин незнакомы, она думает, что не знает этих людей в лицо, и это, наверное, даже к лучшему.

Она закрывает глаза.

Мама снова стоит перед ее внутренним взором, но сейчас это просто изображение, не имеющее ничего общего ни с чем человеческим – с плотью, кровью и чувствами. Малин открывает глаза, старается ради папы выдавить из себя слезу, но как она ни старается, у нее ничего не выходит.

Пастор – женщина лет пятидесяти – улыбается кроткой улыбкой со своего стула у окна. Она только что произнесла стандартную речь о том, каким прекрасным человеком была мама, о ее талантах к украшению дома и игре в гольф.

«И к тайнам, – хотелось бы добавить Малин. – У нее был такой талант к тайнам, к сохранению пристойного фасада любой ценой, а также к тому, чтобы демонстрировать свое особое положение и свою значимость, и что все остальные, особенно я, недотягивали до ее уровня».

Пока пастор произносила свою речь, у Малин возникло острое ощущение, что теперь уже поздно, что все потеряно, словно до того момента существовала некая эфемерная возможность сесть за стол и поговорить – как два взрослых человека.

Она могла бы напрямую задать вопрос:

«Мама, почему тебе всегда было наплевать на меня? На меня и Туве?»

Или, пожалуй, так:

«Ты когда-нибудь любила меня, мама? Любила нас?»

Она кладет розу на крышку гроба.

Губы Малин шевелятся, она шепчет своей матери, лежащей там, в гробу:

«Ты меня когда-нибудь любила, мама? Бог знает, как я любила тебя. Не так ли, ведь я тебя любила?»

* * *

Пятьсот сорок два дня. Столько дней Малин не брала в рот спиртного. Столько времени они с Янне не ссорились, столько времени ей удавалось сопротивляться острой тоске души и тела по алкоголю, так неимоверно долго ей удавалось держать под контролем свой недуг.

Ее коллеги по Линчёпингской полиции, особенно Сакариас «Зак» Мартинссон и комиссар Свен Шёман очень встревожились, что у нее начнется рецидив, когда услышали о смерти ее матери, о внезапном инфаркте, о том, что Маргарета Форс будет перевезена домой для похорон и что Оке Форс намерен продать квартиру на Тенерифе и вернуться в Швецию.

Смерть матери – испытание для любого, рассуждали ее коллеги, но для трезвого алкоголика такое событие могло означать полный срыв, когда будет откупорена бутылка, и дело в лучшем случае закончится попойкой, если не чем похуже.

Однако Малин сказала им всем, чтобы они не беспокоились, когда они спросили ее, как она.

Со скорбью, если она вообще испытывает нечто подобное, она вполне справится.

Практическая сторона дела, как оказалось, пошла ей на пользу – теперь у нее не было состояния, что ей некуда себя девать: беседовать с отцом по телефону, найти похоронное бюро, убраться в их квартире перед приездом папы, договориться с пастором... Все нужно было организовывать и устраивать.

Когда она рассказала Туве о смерти бабушки – по телефону, всего час спустя после звонка отца, – та отреагировала с тем безразличием, на какое способны только подростки. Она тоже прежде всего подумала о практической стороне дела – спросила, поедут ли они на Тенерифе. Затем Малин услышала в ее голосе страх.

– У тебя ведь нет в доме ничего, что можно выпить?

– Вода и кока-кола, Туве.

– Это не шутка.

– Я обещаю не пить, Туве.

– Обещаешь? Ты должна поклясться!

– Обещаю, – повторила Малин и вдруг поняла, что смерть матери дает ей шанс вновь завоевать утраченное было доверие.

Ей стало стыдно.

На работе она испытывает профессиональную радость от грубого насилия и убийств, от несчастья других. Она знает это, давно смирилась с этой мыслью. Но человек, который инстинктивно думает, какой выигрыш сулит ему смерть собственной матери, – что это за существо?

И тут ее снова охватила тяга к текиле.

Тяга к оглушающей силе алкоголя. К бесчувственности опьянения. Это страстное желание могло возникнуть в любой момент, всегда без предупреждения. Она пыталась найти логику в этих атаках, некую модель, чтобы избегать ситуаций, пробуждающих в ней былую жажду, – однако никакой логики или алгоритма обнаружить не удалось.

Болезнь. Паразит. Непредсказуемый вирус, взрывающий твой организм по собственному капризу. Научись жить с этим, как с незаметной постороннему глазу инвалидностью.

Но тогда, когда она стояла над кастрюлей с овощным пюре, после разговора с папой и Туве, тяга была сильнее, чем когда бы то ни было. И тогда она сделала то, что иногда ее выручало. Причинила себе боль – опустила пальцы одной руки в булькающее, только что измельченное толкушкой пюре, почувствовала жар и жжение, однако температура была недостаточной, чтобы повредить кожу.

Лицо Туве рядом с Малин, они сидят рядом на церковной скамье. Кожа у Туве ровная и гладкая, никаких прыщей и угрей, какие обычно бывают у подростков. Туве перебирает пальцами розу, мать и дочь быстро переглядываются, однако не знают до конца, что хотят сказать этими взглядами.

Перед ними лежит в гробу их бабушка и мама. Вот они видят, как дедушка и папа в черном костюме приближается к гробу. Они видят, как он отворачивается, медлит, ловит ртом воздух, плачет и кладет на гроб алую розу, прежде чем вернуться на свое место.

Малин и Туве снова переглядываются, думая, что им делать с этим мгновением.

И вот Туве поднимается и движется к гробу; даже не пытаясь выдать из себя слезу, она кладет на него свою розу.

Туве ничего не шепчет, ничего не произносит, лишь возвращается на свое место, и Малин смотрит на папу, снова на Туве, в глубине души желая прочесть их мысли, но вместо этого видит Янне, который медленно, как и положено по ритуалу, приближается к гробу,

словно все, что происходит в часовне Вознесения в этот обычный будний день, – всего лишь пьеса, которую необходимо доиграть до конца.

«Скорее бы все это закончилось», – думает Туве и закрывает глаза. У нее просто нет сил смотреть, как все эти старички и старушки, которых она даже не знает, один за другим подходят к гробу и что-то шепчут.

– Прощай! – произносит кто-то из них вслух, и Туве вздрагивает, открывает глаза, замечает боковым зрением, что дедушка плачет. Его жалко, его она всегда любила – но бабушку? Ее она никогда не знала, а того, кого не знаешь, невозможно оплакивать. Похоже, что и мама не особо убита горем, хотя Туве заметила, как она старалась это изобразить.

Изображать чувства.

Все, кого она знает, регулярно этим занимаются.

Она думает о письме, которого ждет. Она никому не рассказала о нем, а маме даже заикнуться не смеет. Ясное дело, было некрасиво и гнусно подделать ее подпись на документах.

Но, может быть, все получится?

И тогда она обрадуется?

Нет.

Не обязательно. Совсем не обязательно.

Маму может вообще занести неизвестно куда.

И Туве не может сдержать улыбку, когда думает о письме, которое, возможно, придет, однако улыбаться здесь нельзя – нигде не сказано, что ты обязан плакать, но улыбаться точно запрещено.

* * *

Часовню заполняют звуки псалма. Звучание органа, пытающееся разогнать затхлый воздух, придать дневному свету то естественное тепло, которого ему не хватает.

Когда Малин была здесь в последний раз, хоронили жертву убийства – толстого одинокого человека, о котором мир, похоже, забыл с самого начала.

Следом за папой Малин направляется к выходу, видит, как он кивает людям в проходе.

Она тоже кивает. И думает, что, наверное, так и следует себя вести.

И тут распахиваются двери часовни, и в неожиданно ярком свете фигура папы превращается в странный черный контур, а возле его головы парят две девочки с ангельскими крылышками. Лица у них белые и испуганные. Такие испуганные, что Малин охватывает желание кинуться вперед, подхватить их и прижать к себе.

Она моргает.

Теперь, когда глаза привыкли к свету, она видит только отца. Только папа – и запах конденсированного страха.

Глава 3

Малин и мама. Минувшее

Когда я потеряла тебя, мама?

Когда ты исчезла? Потому что тебя не было рядом, когда я была маленькой, правда? А где же ты была?

На планете заботы о себе самой. И я приходила к тебе, и, конечно, мне разрешалось посидеть у тебя на коленях, но не больше пяти минут, потом ты должна была заняться чем-то другим, а я была слишком тяжелая, слишком жаркая, я мешала. Как может мать считать, что ее дочь мешает?

Так что я отворачивалась и убегала к папе – именно он ездил со мной на соревнования по легкой атлетике, подвозил на футбольные матчи, следил за тем, чтобы я была подстрижена. Ведь так?

Ты был повернут ко мне, папа, не так ли? Ведь был?

Я помню, как сидела в своей комнате в нашем доме в Стюрефорсе и ждала, что ты, мама, зайдешь ко мне. Скажешь что-нибудь ласковое, погладишь меня по спине.

Но ты ни разу ко мне не зашла.

Я лежала в кровати и смотрела в белый потолок, не в силах заснуть.

Однажды ночью была гроза, и я пришла к вам в постель, залезла к тебе. Мне было пять лет.

Ты зажгла лампу на тумбочке.

Папа спал рядом с тобой.

Ты посмотрела на меня и сказала:

– Ложись рядом со мной. Ты боишься грозы?

Потом ты погасила свет, и я ощутила тепло твоего тела через ночную рубашку; ты увлекла меня в сон, словно вся ты была кораблем, наполненным теплом.

Когда я проснулась утром, ты уже встала. Я нашла тебя в кухне. Заспанную, с мешками под глазами.

– Я всю ночь не сомкнула глаз, – сказала ты. – И все из-за тебя, Малин.

Ты редко сердилась, мама.

Но казалось, что тебя нет, даже когда ты была в комнатах на нашей вилле. Ты решала, как мне одеваться, – во всяком случае, пыталась, стремясь сделать меня более женственной, ибо девочкам надлежало быть такими. Я ненавидела юбки, которые ты пыталась на меня надеть. И платья.

И я старалась сдержаться. Ты хотела сделать меня маленькой в этом мире – чтобы я всегда знала свое место.

«Ты не особо умна, Малин.

Тебе бы замуж за человека с деньгами.

Может быть, тебе стоит стать воспитательницей детского сада? Тебе бы это подошло. Но только уж старайся.

Тебе бы замуж за человека с благородной фамилией».

Стань частью моей собственной неудачи, моей неспособности принять то, что мне выпало, – и то, что я сама сотворила!

Ты ненавидела реальность, мама.

Ненавидела ли ты меня? Как напоминание о твоей собственной реальности?

Слова, произнесенные твоим недовольным голосом, когда я приносила домой хорошие оценки.

«Ты, наверное, кокетничаешь с учителями?»

И потом, когда появилась Туве, ты проклинала мою неуклюжесть: как я могла забеременеть? Просто взять и залететь – в таком юном возрасте? Ты сказала, что я – то есть мы – нежеланные гости, потому что ты готова сквозь землю провалиться перед всеми хорошими знакомыми за то, что я принесла в подоле.

Туве.

Ты никогда не смотрела на нее. Ты ни разу не взяла ее на руки. Ты решила, что она – позор, только потому, что она не вписывалась в идеальную картину твоей жизни, которую ты силилась нарисовать.

Но эта картина никого не волновала, мама.

Меня волновала только ты.

Я хотела твоей любви. Но поскольку я не получила ее в детстве, то, наверное, уже и не желала ее во взрослом возрасте, да и ты все равно мне ее не давала.

А была ли эта любовь?

Чего ты боялась, мама? Одному богу известно, как мне нужна была твоя поддержка, когда я училась в полицейской академии – и была одна с Туве.

Папа иногда приезжал в Стокгольм.

Но ты не желала.

«Женщины не должны становиться полицейскими!»

С годами пропасть росла. Нелюбовь стала больше, чем любовь, уничтожила ее, и я вынуждена была наплевать на тебя, мама.

Я тоскую по той матери, которой у меня не было, но не могу оплакивать ту мать, которая у меня была.

Стало быть, я плохой человек?

Глава 4

Острый запах паленого в воздухе, наверняка от строительного взрыва, звук которого она слышала ранее, ударил в ноздри, от чего утреннее солнце вдруг стало тревожным.

Малин прижимается к отцу на вымощенной камнем дорожке, ведущей от дверей часовни; ей хочется обнять его, она видит, что ему более всего на свете хотелось бы находиться где-нибудь в другом месте.

Ветер треплет крону дуба, на котором зеленые почки еще скрывают свои размашистые жесты. «Я была права, – думает Малин. – Внешне лишенные листьев стволы на самом деле вибрируют от зарождающейся в них жизни, по всему городу распускаются почки».

Женщина-пастор улыбается, берет папу за руку, негромко говорит что-то, чего Малин не может разобрать. Затем Малин берет отца за руку, а во второй руке ощущает мягкие пальцы Туве, сжимающиеся неожиданной цепкой хваткой. Янне уже ушел вперед, он стоит возле своей последней машины – серебристого «Ягуара» старой модели, которую сам привел в порядок. Вид у него такой, словно ему жутко хочется закурить, хотя Малин знает, что он в жизни не выкурил ни одной сигареты.

Папа высвобождается. Делает несколько шагов в сторону, и тут мимо него парадом проходят остальные гости, пожимая его протянутую руку.

– Спасибо, что вы пришли.

– Поминки будут у нас дома, на Барнхемсгатан.

– Вы ведь придете?

Гости на похоронах мамы Малин еще не совсем древние, однако уже стареющие, и наверняка в душе каждый радуется, что сегодня в гробу не он.

Пока ласточка гоняется за ветром над медной крышей часовни, Малин представляет себе гостей в виде коллег по отделу расследований Линчёпингской полиции. Толстая женщина с крашеными рыжими волосами превратилась в Свена Шёмана, ее шестидесятидвухлетнего начальника, который в последние годы снова набрал те килограммы, которые ему вроде бы удалось сбросить, и при малейшем напряжении издает пыхтение и стоны, так что Малин начинает казаться, что он в любую минуту может отправиться вслед за ее мамой.

Пожилой мужчина с залысиной будет изображать Юхана Якобссона, измученного образцового отца маленьких детей, который, кажется, очень доволен жизнью в таунхаусе. А вот загорелый джентльмен – вылитый Бёрье Сверд, который сбрил свои висячие усы после того, как его жена Анна умерла пару лет назад от рассеянного склероза. Бёрье не встретил новую женщину; вместо этого он посвящает всю свою жизнь своим собакам, стрельбе из пистолета и работе.

Сумасшедший Вальдемар Экенберг, энергичный, склонный к применению насилия полицейский из соседнего городка Мьёльбю, перевоплотился в маленькую высохшую прокурорную женщину с жестким, решительным голосом.

– Соболезную. К сожалению, не смогу быть на поминках. Она была прекрасным человеком.

Ее коллега и напарник Зак. Здесь – добродушный дяденька с острым носом и внимательными глазами, даже чем-то похож на настоящего Зака с его бритым затылком, стальным взглядом и слабостью к красавице-эксперту Карин Юханнисон, хотя оба они состоят в браке.

И вот парад гостей закончился.

Они идут к своим машинам, стоящим на парковке. Ни один из них не похож на Карима Акбара, сорокалетнего курда, возглавляющего полицию Линчёпинга. Карим уже пришел в себя после развода, дописал свою первую книгу о вопросах интеграции и постоянно фигурирует в газетах и в телепередачах в своем безупречном костюме и с идеально уложенными

волосами. У него новая женщина – прокурор, которую Малин на дух не переносит. Та труслива, типичная карьеристка, которая не позволяет им допрашивать даже тех, на кого указывают как на педофилов.

«Что за глупые игры? – думает Малин. – Мама умерла. Это похороны моей собственной мамы, а я занимаюсь мыслительными играми».

Туве подошла к Янне, к его «Ягуару».

Они терпят друг друга, Малин и Янне, ради Туве.

Встречаясь с Янне, Малин не произносит ни слова о важном. Лучше так, лучше отогнать от себя ярость, горечь и одиночество, не называя их словами.

Их разговоры касаются Туве. Что ей надо купить, кто что оплачивает, как и где их общая дочь будет проводить свободное время, каникулы.

Есть ли у него новая женщина?

Малин ничего такого не заметила, не видела и не слышала. Она такое обычно печенкой чувствует, да и Туве ни словом не упоминала о том, чтобы в домике на опушке по дороге к равнине Мальмслет появилась новая женщина.

Малин берет отца под руку, ведет его к парковке, спрашивает:

– Сколько человек придет на поминки?

– Все, кроме Дагни Вьёркквист. Она едет на другие похороны в Шерблакку.

Шерблакка.

Место, где расположен крупнейший в регионе комбинат по сжиганию мусора. Иногда запах из Шерблакки налетает на Линчёпинг ядовитым облаком.

Слава богу, сегодня такого нет.

Только этот странный запах паленого, как после взрыва, и... Малин не решается додумать эту мысль до конца... паленого мяса и страха.

Неужели этот запах исходит от мамы?

Они кремируют тела тут же, в помещении, соединенном с часовней; неужели они так торопятся, что мама уже горит, что ее тело уже охвачено языками пламени, так что запах ее горящего мяса разливается в воздухе, как невидимый след?

Но нет. Так быстро от похорон к кремации не переходят.

Гроб все еще стоит внутри. Внезапно Малин охватывает желание кинуться обратно, открыть крышку гроба и положить горячую ладонь на щеку мамы и сказать: «Прощай, прощай, мама! И я прощаю тебя, из-за чего бы ни получилось так, как получилось».

Но она остается на парковке рядом с отцом. Видит, как одна за другой отъезжают машины, отгоняет от себя видения гроба. Чтобы отвлечься, Малин спешно включает телефон с большим дисплеем, который ей удалось выпросить у Карима Акбара, – единственное техническое усовершенствование в этом году, – и начинает нервно перебирать пальцами по кнопкам. Как только телефон включается, раздается звонок.

На дисплее номер Свена Шёмана.

Он?

Сейчас?

«Он знает, что я на похоронах, – стало быть, случилось нечто из ряда вон выходящее», – думает Малин и ощущает хорошо знакомое чувство возбуждения, которое всегда охватывает ее перед новым большим и важным расследованием. Она почти надеется, что так и будет, но потом накатывает стыд, на этот раз в двойном размере – за то, что она испытывает удовольствие от работы как освобождение именно в этот момент и именно таким образом.

Кто на этот раз попал в беду?

Парочка алкашей уколошили друг друга?

Дерзкое ограбление?

Дети?

Девочки, которые только что померещились ей в виде ангелочков.

Боже, только бы не несчастье с детьми. Насилие, зло в отношении детей – единственное, против чего она безоружна.

* * *

– Малин слушает.

– Малин?

Голос у Свена взволнованный, почти растерянный. Но он берет себя в руки.

– Я знаю, что звоню очень некстати, но произошло нечто чудовищное. Кто-то взорвал бомбу на Большой площади. Мощный заряд. Много пострадавших. Вероятно, есть убитые. Там полная неразбериха и...

Малин слышит слова Свена, но что он на самом деле говорит... что он такое говорит? И она понимает, не понимая, и губы произносят:

– Я сейчас приеду.

Папа смотрит на нее, слышит ее слова и видит, что она уже несется куда-то прочь – вид у него испуганный, но он спокойно кивает ей, стоя возле своего старенького черного «Вольво», словно желая сказать: «Ничего, я справлюсь». Но в его глазах читается что-то еще – затравленность и одновременно облегчение, которого Малин не может сейчас осознать, хотя и понимает, что это важно.

– Поезжай прямо на площадь.

– Буду там через пять минут. Или через десять.

Она нажимает на кнопку отключения, поправляет длинное черное платье и бежит к Туве и Янне.

Янне выглядит озабоченным, смотрит на нее, наморщив лоб, когда она почти бегом приближается к ним, путаясь в длинном платье. Наверное, он видел, как она разговаривала по своему новому телефону, и понял, что включилось ее профессиональное «я».

Если кто-то из службы спасения нужен сейчас на площади, так это Янне.

Что там сейчас происходит?

Как на войне. Оторванные части тел, кровь и крики. Янне нужен там. Кигали в Руанде, Босния, Судан. Назовите хоть одну современную горячую точку, где он не побывал бы в своем стремлении помогать другим.

– Мы должны ехать, ты и я, – говорит она и хватается за руку, объясняет, что произошло, и Туве произносит, повернув к ним свое открытое юное лицо и глядя на них ясным взглядом:

– Поезжайте. Я позабочусь о дедушке. Поезжайте, это важнее.

– Спасибо, – произносит Малин и поворачивается спиной к Туве, ощущая, что уже поступала так тысячу раз – на тысячу раз больше, чем надо.

К ним подходит отец.

– Папа, звонили с работы, произошло нечто ужасное, я вынуждена уехать.

– Поезжай, – отвечает он без колебаний. – Поминки – невеселое мероприятие, уверяю тебя.

Он не спрашивает, что случилось, – похоже, ему даже не любопытно.

* * *

Минуту спустя Малин уже сидит в своем новом белом служебном «Гольфе», Янне рядом с ней.

Папа и Туве возьмут «Ягуар».

Весенние лучи прогрели воздух в машине – он стал горячим, как в бункере посреди пустыни.

В зеркало заднего вида Малин видит папу и Туве, стоящих на парковке у часовни. Они обнимают друг друга, но Малин не видит, плачут они или нет. Ей кажется, что это не так – она старается представить себе, как они черпают друг в друге энергию, чтобы прожить остаток этого дня, вынести все то будущее, которое последует за ним.

Янне делает глубокий вдох, откашливается, прежде чем произнести:

– Я видел, что взрыв бомбы может сделать с человеческим телом, Малин. Будь готова к самому страшному.

Глава 5

Два серо-белых голубя поклевывают комочек чего-то, напоминающего мясо. Малин думает, что это человеческое мясо – или как? Кусочек разорванного на клочки тела – словно острые зубы дракона разорвали его на части.

Мостовая на Большой площади покрыта пятнами пыли и мусора. Грязная табличка со словами «Распродажа», написанными от руки оранжевым фломастером, пролетает мимо нее на ветру вместе с сотнями лепестков тюльпана.

Вправду ли там, впереди, человеческое мясо?

Малин движется в сторону предмета, лежащего на земле в десяти метрах перед входом в аптеку. Поднимает руки, отгоняя голубей, чтобы те перестали клевать.

Похоже на то.

Только бы это была ошибка...

Нет, нет, нет...

Подол ее черного платья развевается на ветру, когда она медленно приближается к тому, чего не хочет видеть.

Они с Янне припарковали машину возле «Гамлета», и со стороны улицы Стургатан никаких разрушений не было видно, людей тоже. Была лишь всеобъемлющая тишина, когда они распахнули дверцы машины и побежали в сторону площади и ожидающей их картины.

Может быть, звонок Свена ей все же приснился? И никакого взрыва не было? А может быть, это вовсе не бомба, а взрыв газа? Хотя в Линчёпинге давно уже перестали использовать газ...

Они приблизились к площади. Сбросили темп, словно пытаясь успокоить пульс, собраться, подготовиться, включить профессиональные стороны своей личности.

Вся земля перед обувным магазином и киоском «Пресс-бюро» была усыпана осколками выбитых стекол. Запах горелого мяса и шерсти стал ощутимее, но Малин не слышала криков.

Они завернули за угол галереи и увидели площадь.

От этого зрелища у Малин чуть было не подкосились ноги. Она вынуждена была остановиться, перевести дух, в то время как Янне кинулся вперед к машинам «Скорой помощи» и пожарным, въехавшим на площадь со стороны «Мёрнерс инн» и Центрального отеля.

Пожарные и врачи «Скорой помощи» кружились вокруг лежащих людей, накрытых блестящими одеялами, с небрежно перевязанными окровавленными головами. Некоторые из раненых разговаривали по телефону.

«Наверняка звонят родственникам», – подумала Малин и сама ощутила острое желание позвонить Туве, хотя они расстались всего несколько минут назад.

Везде – осколки, пыль и мусор. Прилавочек цветочника перевернут, тюльпаны разбросаны по площади. Обезумевшая белая собачонка с окровавленными лапами носится туда-сюда, а бело-серые голуби кружат над всей этой сценой, пролетая над площадью и отражаясь в массе осколков. Все окна отеля – наверняка штук пятьдесят – выбиты, стекло обрушилось вниз миллионом мелких осколков. Ресторан и бар отеля в нижнем этаже стоят пустынные, открытые всем ветрам, словно Бог спустился с небес и рассказал людям, что настал Судный день.

Малин крепко зажмурилась.

Снова ощутила запах горелого мяса и ткани.

Увидела полицейских в форме, оцеплявших место происшествия полосатой лентой.

Постаралась привыкнуть, понять, что она видит, заставить глаза приспособиться к острому, как нож, весеннему свету, от которого все бледные после долгой зимы люди на пло-

щади казались почти покойниками – на фоне их белых, как полотно, лиц кровь на булыжниках мостовой казалась еще краснее.

Продавец хот-догов.

Навес над его прилавком превратился в пустую стальную раму. Контейнеры для сосисок разбросаны по мостовой, а брезентовый навес над верандой кафе снесен, словно гигантские губы протянулись с небес и всосали в себя весь воздух, чтобы потом выплюнуть гору битого стекла на головы тем жителям Линчёпинга, которые решили посидеть на солнышке на Большой площади именно в этот день.

В стороне, у бывшего здания суда, – две полицейские машины. Черная зияющая дыра там, где раньше находился банкомат «SEB». Но на площади не валяются деньги – видимо, все купюры превратились в пыль, оказавшись в эпицентре взрыва.

Может быть, это была попытка взорвать банкомат, чтобы извлечь деньги?

Нет.

За последние несколько лет в стране не зарегистрировано ни одной попытки взорвать банкомат. Тот, кто хочет украсть деньги, делает это при помощи скимминга¹ – или пытается тайно завладеть чужой картой и пин-кодом.

«И бомба была слишком мощной, – думает Малин. – Может быть, это ограбление, вышедшее из-под контроля?»

Как ни удивительно, камеры видеонаблюдения над банкоматом не пострадали. Окна выбиты, металлические рамы, державшие стекла, местами расплавились.

Перевернутые велосипеды. Рваные шины.

Свен? Зак? Бёрье? Юхан? Вальдемар?

Малин протерла глаза, но так и не увидела никого из коллег; однако она понимала, что они где-то поблизости.

Внутри банка тихо и безлюдно, стайка зевак столпилась на углу возле кафе и художественной галереи «Пассаж». В доме рядом еще один банкомат, принадлежащий торговому банку, – он в целости и сохранности.

Почему? Потому что на них, в отличие от «SEB», нельзя взвалить вину за финансовый кризис? Потому что они вели себя примерно? Малин подумала об Аннике Фалькенгрэн, генеральном директоре «SEB», заработавшей двадцать миллионов в тот год, когда разразился кризис. И к тому же та намеревалась повысить себе самой зарплату. О том, как ее стиль руководства толкнул многих людей в пропасть, в то время как она безудержно хапала деньги.

Хорошо наштукатуренный вампир, попивающий шампанское в своем дворце в Юрхольме.

Вполне возможно, что кто-то захотел взорвать ее – и то, что она собой воплощает.

Несколько раз за последние годы Малин буквально тошнило от алчности директоров банка. Наверняка не ее одну. Директоров надо отправлять на улицу просить милостыню – как теперь приходится делать многим другим.

Так что любопытные должны были бы стоять здесь, поближе к банку.

А вдруг это террористический акт? А вдруг раздастся второй взрыв?

Перевернутая коляска.

«Что нужно, чтобы задеть меня за живое?» – думает Малин, видя, как голуби клюют мясо, о происхождении которого ей даже не хочется думать.

Несколько пожарных, которых она не знает в лицо, накрывают желтым полиэтиленовым покрывалом другие куски мяса – куски людей. Нога. Маленькая нога, глаз, кусочек лица – что здесь произошло, черт подери? Два разорванных на куски лица. Нет.

---

¹ Скимминг – способ получить доступ к чужой карте при помощи специального считывающего устройства.

Белая собака лает. Трясет своими пораненными о стекло лапами, так что кровь брызжет на осколки и булыжники площади, и тут Малин замечает тучную фигуру Бёрье Сверда – как он берет пса за поводок, опускается на колени и притягивает его к себе, осторожно гладит, пытаясь успокоить.

Тошнота.

Жажда.

Интересно, «Гамлет» открыт? Как хочется сейчас кружку пива и рюмку текилы, и чтобы эти голуби не клевали... Опять они, проклятые!

В машину «Скорой помощи», стоящую у входа в отель, вносят носилки. Возле носилок – подставка с капельницей; тут же стоит врач, которого Малин знает. Его голубой халат забрызган кровью.

Голуби.

Она снова приближается к ним. «Держи голову в холоде, Малин, не теряй самообладания».

И тут она видит Янне, который, надев желтую форменную куртку поверх выходного костюма, спокойно и методично заботится о двух раненых студентах, на которых до этого момента никто не обращал внимания. Он бинтует их раны, разговаривает с ними; Малин видит, как шевелятся его губы, и, хотя она не слышит слов, чувствует, какой он высокопрофессиональный, уверенный и человечный, как общение с ним помогает людям справиться с шоком. Ей снова хочется пойти в «Гамлет».

Но это не выход.

Голуби.

Они клюют мясо, кожу, волосы – детские волосики. Малин кидается к ним, вскинув руки, словно отпугивая хищников.

Неприлично.

«Кыш!» – кричит она, и голуби улетают в небо, смешиваясь с низко парящими ласточками.

Малин останавливается рядом с тем, что клевали голуби.

Опускается на колени.

Расправляет черную ткань платья.

Чувствует, как все внутри сжимается, однако ей удается сдержать позыв рвоты.

Обгорелая щека. Нежная детская щека, словно оторванная от головы, от скулы невидимой, неудержимой силой.

И глаз, все еще на месте, там, где ему и положено быть – прямо над щекой, словно он все еще может видеть.

Маленький открытый карий глаз, который смотрит на Малин, словно желая что-то сказать ей, о чем-то попросить.

Она отводит взгляд и кричит, обращаясь к пожарным с желтыми покрывалами:

– Вот здесь еще! Здесь еще накройте.

* * *

Кого ты видишь, Малин, меня или мою сестру?

Не знаю, не хочу смотреть, видеть останки того, что было мною, моей сестрой и мною.

Нам было по шесть лет, Малин.

Шесть лет.

Разве может жизнь быть такой короткой?

Мы хотим еще.

Может быть, ты можешь продлить нам жизнь, Малин? А папа – где он? Почему он не здесь, он должен быть здесь, и мы хотим, чтобы он был здесь, потому что маму увезли на «Скорой», она почти с нами, правда?

Тут темно и одиноко, а этот белый песик, который танцует на месте, такой жуткий... Убери его, Малин! Убери песика!

Ты уходишь прочь по площади, не в силах смотреть на щеку и глаз. Осколки стекла хрустят под твоими черными выходными туфлями, и ты думаешь, сколько человек погибли. Двое детей? Две девочки? Кто-то еще?

Теперь мы все знаем, Малин, знаем все твои мысли, хотя нам всего по шесть лет. Внезапно мы все знаем и владеем языком, и с этими знаниями приходит понимание, что мы ничего не знаем, – и это пугает нас, так пугает, что ты слышишь наш страх, свистящий в воздухе, как звук собачьего свистка, – он вроде есть, и его вроде бы нету.

Свен Шёман и Зак стоят возле черной машины перед «Мёрнерс инн». Ты приближаешься к ним, Малин.

Ты тоже боишься, не так ли? Боишься того, куда может увести тебя этот взрыв. Боишься той страсти, той тяги к ясности, которую наша страшная и внезапная смерть может вызвать в тебе.

И тогда все самые злые силы снова пойдут плясать в тебе.

Нам было по шесть лет, Малин.

Всего шесть.

Потом нас уничтожили. И ты знаешь, что мы можем уничтожить тебя.

Поэтому ты любишь нас, не так ли? Потому что мы можем дать тебе успокоение. Такое же успокоение, которое можешь подарить нам ты.

* * *

Свен Шёман наклоняется к машине; на фоне ее черного лакированного бока его профиль и глубокие морщины на лбу кажутся еще отчетливее, придавая его лицу выражение суровой, непоколебимой решительности.

Несмотря на внешнее спокойствие, все они перевозбуждены.

Зак только что поздоровался. Кивнул ей особым образом, который означает: «Привет, напарница, начинаем работать». Она посмотрела на него и подумала: «Что бы я делала без тебя, Зак? Случись с тобой что-нибудь – справилась бы я с этой работой?»

Похоже, Зак вдыхает в себя запахи площади, его суровые зеленые глаза видят дальше, чем позволяет зрение.

– Двое погибших, не меньше, – произносит Малин. – Двое маленьких детей.

Зак кивает, закрывает глаза.

– Одна женщина получила тяжелые ранения, – говорит Свен.

– А сколько всего раненых? – спрашивает Малин.

– Более тридцати, – отвечает Свен. – В основном легкие ранения. Порезы. У большинства все не так страшно, как кажется на первый взгляд.

– Да, плохо дело, – говорит Зак. – Двое детей, стало быть? Какого возраста?

– Этого мы пока не знаем, – отвечает Малин. – Но того, что я видела там, достаточно, чтобы предположить: как минимум двое детей. Карин и ее группа только что приехали, они займутся этим.

Уголкем глаза Малин видит, как красавица Карин Юханнисон, судмедэксперт, направляется в сторону желтых пластиковых покрывал на земле, под которыми лежат детские щеки.

– Существует ли риск второго взрыва? – спрашивает Малин. – Когда речь идет о теракте, часто так и бывает – сначала один взрыв, потом второй, когда люди кидаются в панике в одну сторону.

– Именно так было в Куте на Бали, – кивает Зак.

– Надо убрать отсюда любопытных, – говорит Свен. – Поставить более мощное оцепление, охранять место происшествия собаками, отправить раненых. Допросить всех, кто что-либо видел.

– Мне кажется, второй бомбы все же нет, – произносит Малин. – В противном случае она взорвалась бы сейчас.

– А мы точно знаем, что это была бомба? – спрашивает Зак. – Может быть, это было что-то другое?

– Что именно, черт подери? – спрашивает Свен, и Малин думает, что лет десять не слышала, как он ругается, если вообще когда-нибудь слышала, и видит в его глазах первые признаки паники. Он проработал в полиции почти тридцать пять лет, видел и слышал все, и вот теперь такое: мощный взрыв, бомба среди бела дня, прямо на центральной площади города... Непонятно, с какого конца взяться за дело. Как защитить жителей города? Как защитить себя, своих коллег, пока они выполняют свою работу? А вдруг эта задача окажется им не по плечу?

– Утечка газа, – спокойно отвечает Зак.

– Газом в Линчёпинге не пользуются уже десять лет.

– А может быть, это была неудачная попытка ограбления? – спрашивает Зак. – Кто-то пытался взорвать банкомат?

– Уж больно мощная тут была бомба, – говорит Свен. – Но, конечно же, неуклюжих грабителей пруд пруди. Я только что заходил в банк – никакой попытки ограбления перед взрывом не было. Но они все в шоке, и нам придется допросить сотрудников банка как можно скорее.

– Тут нечто другое, – задумчиво произнесла Малин. – И мы все трое это знаем.

– Кто-нибудь звонил, угрожал?

– Нам никаких звонков не поступало, – отвечает Свен.

Черный «Мерседес» пробрался через заграждение, полицейские в форме пропустили его – и теперь он останавливается у кинотеатра на Огатан. Из него вылезает Карим Акбар, начальник линчёпингской полиции, одетый в черный с белой полосой костюм и отутюженную розовую рубашку.

Малин снова оглядывает площадь и замечает нечто, на что не обратила внимания раньше, – как Даниэль Хёгфельдт из газеты «Корреспондентен» и еще несколько журналистов ходят среди легкораненых, все еще находящихся за заграждением.

Неужели никто не может увезти их?

Она слышит вопросы журналистов, как фоновый шум, слышит щелканье фотоаппаратов, видит, как мигают красные лампочки записи на видеокамерах, и слышит голос Карима:

– Сегодняшнее происшествие станет крупнейшим событием в нашей жизни. Натиск СМИ уже начался.

И ей хочется дать ему по морде, крикнуть ему: «Сегодня погибли дети! Их разорвало на мелкие куски! А у тебя одни СМИ на уме!»

– Карим, – спокойно произносит Свен. – С большой вероятностью можно утверждать, что на площади сегодня взорвалась бомба. По всей видимости, погибли двое маленьких детей и одна женщина получила тяжелые раны. И еще много раненых. Наверное, это и есть сейчас наша главная проблема, не так ли? А не СМИ.

Карим хмурит брови.

– Я не то имел в виду. Существует ли риск новых взрывов? Это может оказаться терактом международного масштаба.

– В таких ситуациях риск всегда существует, – отвечает Малин.

– Уберите народ с площади, – говорит Карим. – Немедленно.

С этими словами он покидает их, направляясь к группе полицейских, стоящих рядом с только что прибывшим взводом подкрепления.

– Послушайте меня! – кричит он им.

– Так что тут все же произошло? – негромко произносит Свен, втягивая живот. – Малин, что ты думаешь?

Она качает головой.

– Понятия не имею.

– Зак?

– Это не обычное ограбление. И не хулиганство. В этом можно быть уверенным. А если б кто-то хотел взорвать банкомат, то сделал бы это ночью, а не среди бела дня, когда вокруг масса народу... Нет, тут что-то другое.

Они стоят молча. Потом Зак произносит:

– Мне не хочется даже думать об этом, но вдруг Карим прав, когда говорит, что это теракт с международными связями? А что, если это исламские террористы? Но тогда каким ветром их, черт подери, занесло в Линчёпинг?

Еще некоторое время все стоят молча, в задумчивости.

«Да, – думает Малин. – Зачем террористам взрывать бомбу именно в Линчёпинге – других мест не нашлось? Но с другой стороны – почему бы и нет? Квартира в Шеггеторпе, или Рюде, или Берге вполне могла стать штаб-квартирой террористов с таким же успехом, как квартира в Русенгорде, Мадриде или Париже».

Полицейские в форме, которым только что отдал приказ Карим, прогоняют с площади журналистов, фотографов и любопытных – и Малин видит, как молодой начальник полиции города берет под контроль ситуацию, которую не найти ни в одном сборнике инструкций. В состоянии ли он, крещеный курд, представить себе, что за терактом могут стоять исламисты? Само собой. А какой религии придерживаются большинство курдов? Кто они – шииты? Или сунниты?

Сотрудники «Скорой помощи» и пожарные увозят с площади раненых, в то время как Бёрье Свд уводит белого песика в сторону Госпитальной площади.

Вскоре все подходы к площади перегорожены бело-голубыми лентами.

– Что же это могло быть? – снова произносит Свен.

Все трое ощущают, как пассивность растекается по телу, словно парализующий яд, но ни один из них не в состоянии из нее вырваться, словно все они ожидали от этого дня чего угодно – но только не того, что случилось. Словно те силы, которые вырвались наружу в этом городе, кажутся им чуждыми и почти сверхъестественными, а ответственность, возложенная на их плечи, стала непосильной еще до того, как они приняли ее на себя.

Затем они переглядываются, словно все трое хотят спросить друг друга: «С какого же конца нам взяться за это дело?»

– Как прошли похороны? – спрашивает наконец Свен.

– Да, как все прошло? – вторит Шёману Зак.

Малин стоит, уставившись на коллег, переводит взгляд с одного на другого, отказываясь отвечать на этот idiotский вопрос. Как им в голову могло прийти, что у нее есть время думать о похоронах?

– Нам придется вызвать всех прямо сейчас, – произносит Свен. – Всех, кто сегодня выходной: Юхана, Вальдемара... Всех до одного. Начнем с этого. Не так ли?

Он указывает рукой в сторону площади, выбитых окон отеля. «Вид у него усталый, – думает Малин. – Я впервые заметила, как он постарел».

– Мы останемся здесь, допросим как можно больше народу, – продолжает Свен. – Затем я поручу Аранссону, чтобы всех, кто был на площади или вблизи нее, допросили. Как уже было сказано, перед взрывом никаких попыток ограбления банка не предпринималось. Сотрудники банка сидят в конференц-зале. Когда я только что заходил туда, они были спокойны – похоже, никто не пострадал, взрывная волна была направлена вовне. Я переговорил с директором отделения банка. Он не заметил ничего необычного. Сказал, что ни с того ни с сего вдруг как рванет – как гром среди ясного неба...

В ушах у Малин раздается звонок. Слабый, но настойчивый сигнал, и она задумывается, что бы это могло быть.

– Слышите этот звук? – спрашивает Малин. – Может это быть очередная бомба?

Слова вылетают сами, остальные встревоженно смотрят на нее. Все прислушиваются.

– Я ничего не слышу, – говорит Зак.

Свен качает головой.

Звук исчезает, словно его втягивают пустые помещения Центрального отеля.

Голуби вернулись. Они тянут клювами пластиковые покрывала, которыми накрыты останки тел двух девочек; солнце проглядывает между домами, осколки стекла начинают сверкать в его лучах, и Малин думает: «Какой джинн вырвался из бутылки, что за черный цветок расцвел?»

Само зло, исполненное силой, путившее корни в глубину всего живого?

И тут слышится иной звук.

Громкий, однотонный свист, доносящийся из черной сумки, которую взрывом отбросило на веранду отеля, на которой все еще толпятся любопытные.

Страх в глазах Зака и Свена.

– Проклятье! – кричит Зак. – Проклятье!

И он кидается к сумке – а Малин видит, как с другой стороны площади туда же устремляется Янне.

Глава 6

Зак хватает черную сумку.

– Нет! Не-ет!!! – кричит Малин.

Поначалу он намеревался броситься на нее, чтобы сдержать силу взрыва своим телом. Это против всех правил, но кому есть дело до правил, когда что-то вот-вот взорвется?

В такой ситуации забытую сумку надо расстреливать с безопасного расстояния. Однако Зак хватает ее. Хочет отбросить как можно дальше от людей.

Но тут звук резко смолкает.

И он снова опускает сумку, а потом протягивает ее Янне, который открывает замок-молнию. Рвется в ней.

Зак видит капли пота на лбу Янне и замечает, как Малин приближается к ним.

Одежда.

Книги.

«Айпод».

И, наконец, телефон. Янне смотрит на дисплей, показывает им – пропущенный звонок.

– Чертовски странный рингтон, – говорит он и приподнимает один уголок рта, обозначая улыбку. Затем опускает сумку.

Несколько секунд спустя со стороны отеля появляется мужчина среднего возраста и говорит:

– Это моя сумка. Я сидел вон там, в «Мёрнерс». Должно быть, ее отбросило сюда взрывом.

На площадь прибыли Юхан Якобсон и Вальдемар Экенберг. Вместе с Малин, Заком и Бёрье Свердом они методично допрашивают всех легкораненых, еще оставшихся на месте, – тех, кто может после допроса отправиться домой, не рискуя впасть в состояние шока. Затем они опрашивают всех зевак, скопившихся на площади, привлеченных звуком взрыва, и сиренами, и сплетнями, которые уже распространились по городу, как взрывная волна. Опросить следует всех. Кто знает, кто может что-нибудь знать? Кто знает, в каком направлении пойдет расследование?

Юхан поначалу сам почти в шоке. Особенно когда ему рассказали о погибших детях – они такого же возраста, что и его собственные. Бёрье с самого начала держится на удивление спокойно. Вальдемар, как всегда, непоколебим – с сигаретой в углу рта и дружелюбным взглядом, который он умеет включать, когда это требуется. Малин знает, что его жена лишилась работы несколько месяцев назад, когда обанкротилась компания «Рекс компонентс»... Однако безработица жены, похоже, мало волнует Вальдемара.

Зак, как обычно, деловит, однако заметно, что он потрясен – и как будто хочет отомстить за то, что произошло на площади, словно он не в состоянии воспринимать случившееся отстраненно и все еще находится в самом эпицентре взрыва. Это делает его таким маленьким – и одновременно таким величественным.

Они задают тысячи вопросов. Но ответы практически одни и те же.

– Вы заметили что-нибудь подозрительное?

– Нет.

– Что происходило в последние минуты перед взрывом?

– Я пил кофе, все было как обычно.

– Я ничего не знаю.

– Я ничего не заметил.

– Мне стало любопытно, и я пришел сюда.

Страх в глазах, в позах – у всех один. Что же такое произошло? Отрицание и осознание смешаны воедино и сливаются в чувство страха, однако этот страх недостаточно силен, чтобы удержать любопытных в стороне от ужасной картины. Как после одиннадцатого сентября, когда толпы любопытных устремились к тому месту, где стояли небоскребы и где погибли тысячи людей, – и по телевизору можно было наблюдать, что любопытство в глазах зевак сильнее страха.

Малин допрашивает одного за другим.

Студентка с пластырем поверх раны на лбу, всего года на четыре старше Туве.

– Я пила кока-колу в «Мёрнерс», – говорит она, – хотела посидеть на солнышке, прежде чем пойти в библиотеку заниматься. Насколько я поняла, взрыв раздался внутри банка. Почему-то у меня сложилось такое ощущение. Что вы думаете по поводу случившегося? Кто мог такое сотворить?

– Именно это мы и намерены выяснить, – отвечает Малин и видит, что девушка, стоящая перед ней, не питает особого доверия к способностям полиции.

И вот, по прошествии нескольких часов, все находящиеся на площади опрошены. А также все сотрудники банка, включая директора филиала. Правда, несколько сотрудников еще до прибытия полиции покинули здание и отправились домой.

Большое количество полицейских в форме помогали в проведении опросов. С каким-то сомнением, словно в нерешительности, они обходили жителей Линчёпинга, собравшихся на площади, и получали те же ответы, что и Малин и ее коллеги из следственного отдела.

Никто ничего не заметил. Никто ничего не знает.

Аранссон организует, чтобы раненых, доставленных в больницу, тоже допросили – как и тех, чьи имена успели записать, но кто успел уйти, так и не побеседовав с представителями власти.

Малин идет по грудам мусора, ощущая, как осколки стекла хрустят под ногами, и видит Карин Юханнисон, которая прочесывает территорию вокруг банка в поисках каких-нибудь зацепок.

Вокруг множество полицейских.

Когда происходит нечто подобное, совсем не заметны сокращения, на которые полиция вынуждена была пойти в последние годы в свете кризиса. Все мысли о бюджете потом. Однако городу нужно куда больше полицейских. Особенно в отделе по борьбе с насилием в семье. У них невероятно низкий процент дел, передаваемых в суд, например, по педофилии. Лишь одно заявление из десяти приводит к судебному разбирательству.

«Чушь какая-то, – думает Малин. – Детей мы обязаны защитить. Чего стоит общество, которое не в состоянии защитить детей?»

Щека, детская щека.

«Кто же ты?» – думает Малин о погибшем ребенке, направляясь к Свену. Теперь в его глазах нет ни страха, ни паники. Только целенаправленность, продиктованная опытом.

– Поехали в отделение, – говорит он. – Соберемся и постараемся прояснить картину.

* * *

Поначалу Малин проехала мимо квартиры папы и мамы по Барнхемсгатан, не останавливаясь, чувствуя, что должна ехать прямо в отделение полиции в старом квартале. Но потом все же развернулась и подъехала к дому.

«Мне нужно домой, нужно к Туве и папе, я должна прийти на поминки и исполнить свой долг».

Машину она припарковала на старой автобусной площади, где один из многочисленных бомжей рылся в урне, а компания девочек-подростков в коротких юбках и тонких блузках направлялась куда-то вместе с парнем постарше, одетым в пуховик.

Даже здесь ощущался запах гари – чуть уловимый оттенок в воздухе смешивался с запахом собачьих испражнений в парке Садового общества – всех тех зимних испражнений, которые собачники были не в состоянии собрать на морозе, и теперь потихоньку оттаивающих на весеннем солнце.

На улицах лежат остатки песка, которым их посыпали. Иногда асфальт под ногами предательски скользкий, как напоминание, что холод ушел совсем недавно. Малин тщетно пыталась избежать этого чувства на парковке, и теперь она стоит у окна в гостиной родительской квартиры, где когда-то стояли на подоконнике ныне давно увядшие растения. Малин оглядывается, прислушивается к звукам, которые издают папа и Туве на кухне.

Гости уже разошлись.

Кофе весь выпит, но жирный, тяжелый запах пирожных и бутербродного торта все еще висит в воздухе, от чего у Малин просыпается голод.

В кухне папа стоит у мойки, быстро водит щеткой по старинному фарфору; Туве вытирает свежeweымытую посуду.

– В холодильнике есть еда, если ты проголодалась.

Он улыбается Малин, смотрит почти с облегчением. «Ты теперь свободен, папа, не так ли?»

– Я не голодна, – отвечает она.

– Ты должна была проголодаться, – говорит Туве. – Съешь чего-нибудь.

Малин открывает холодильник и берет с бутербродного торта несколько креветок.

Прямо перед ней в холодильнике – бутылка мандаринового ликера.

Тяга к спиртному ударяет в живот, в сердце, в душу, и Малин произносит:

– Туве, ты обожала такие вот креветки из банки, когда была маленькая.

– Не представляю себе, – отзывается Туве. – Мне кажется, у меня все же был хоть какой-то вкус. Я ведь не ела этих креветок прямо из банки?

Папа смеется, но смех тут же обрывается.

– В четверг встреча по поводу наследства, – говорит папа. – У адвоката Страндквиста. В два часа в его конторе на улице Святого Ларса, двенадцать. Это необходимо сделать.

«Ясное дело, необходимо», – думает Малин. И против своей воли начинает думать о наследстве, оставшемся от мамы, – знает, что в нынешней ситуации папа получит все, однако жадность сжимает горло. Она не отказалась бы получить хоть часть тех миллионов, которые можно выручить от продажи их квартиры на Тенерифе.

Я хочу!

Дай мне!

Это мое!

Жадность человеческая – лучший друг зла. Плевать мне на это гребаное наследство.

– Да все будет в порядке, – говорит Малин, заставив себя не думать о наследстве. – Ведь это всего лишь формальность.

Папа кивает, но продолжает:

– Дело не в этом, дело в том, что...

– Понимаю, это тяжело, – говорит Малин. – Но мы будем там вместе. Все уладится.

– Мне тоже надо присутствовать? – спрашивает Туве.

– Нет, тебе необязательно, – отвечает папа. – Ну что, мы закончили?

Туве кивает и кладет полотенце на край мойки.

– Я должна ехать в отделение, – говорит Малин. – У нас сейчас будет очень много работы.

Никто до сих пор ни словом не заикнулся о взрыве. Словно то, что произошло всего в пятистах метрах отсюда, – совсем другой мир.

– Мы понимаем, – произносит Туве. – Мы смотрели экстренный выпуск новостей. А это правда – про детей?

Она не напугана. Не жаждет сенсационных подробностей. Просто ей любопытно. Она слишком хорошо отдает себе отчет в том, какую грязь мир может вылить на человека, – и слишком хорошо для своего возраста подготовлена к восприятию этой грязи.

– Не могу сказать.

– А что же вам тогда известно? Хотя что-то ты можешь сказать?

Тут Малин осознает, что им ничего не известно – кроме того, что они сами не имеют права поддаваться панике, что шок среди жителей города по поводу случившегося не должен перекинуться на полицию. «Мы должны сохранять голову в холоде, – думает она. – Мы просто обязаны, но это будет нелегко. Кто знает, какие идеи возникнут у Карима?»

Малин оставила их в кухне, в обрамлении ярко-зеленых кухонных шкафчиков, которые наверняка были последним пискom моды лет двадцать назад. «Похоже, вам хорошо вдвоем», – думает она, сбегая вниз по лестнице.

* * *

Оке Форс видит свою дочь из окна гостиной.

Как весна окружает ее, как желтые крокусы на пригорке тянутся к ней, словно хотят попросить у нее защиты от неизвестности будущего.

Он касается пальцами одного из цветочных горшков, думает о том, что никогда не сможет рассказать ей всю правду – сцена будет разыгрываться на встрече у адвоката. Все должно идти своим чередом и все образуется – ведь должно же все как-то утрястись, не так ли?

Он видит, как Малин проходит мимо «Ягуара» Янне, – свет падает так, что ее светлые волосы кажутся нимбом над головой. Он видит, как сияет этот нимб, и думает: «Ты и понятия не имеешь, какая бомба вот-вот взорвется в твоей жизни. Даже представить себе не можешь – но я надеюсь, что ты простишь меня».

* * *

Доска в конференц-зале уже почти вся исписана, когда Малин, последняя из всех полицейских оперативной группы следственного отдела, входит туда.

На ней по-прежнему длинное черное платье. Она чувствует, как неуместно оно сейчас выглядит. К тому же оно покрыто грязью и пылью.

Коллеги вернулись с Большой площади. Все в сборе. Как и на платье Малин, у всех на одежде пятна грязи и пыли, напоминающие о тревоге, грязи и хаосе на площади.

Тем не менее в конференц-зале царит удивительное спокойствие. Впрочем, за всем этим кроется внутренний хаос, острая тревога. Что произошло? Какое зло вылезло наружу из своего укрытия? Неужели потусторонние силы таились под снегом, мутировали на морозе, а то, что мы приняли за красоты весны, на самом деле оказалось новой формой зла, сокрытой за многочисленными упоительными запахами?

Малин садится напротив Зака.

Ей хочется выглянуть в окно на площадку детского сада. Дети как раз на прогулке – они возятся в песочнице, катают пластмассовые машинки, прыгают через скакалочку, залезают на новую горку, установленную на площадке всего пару месяцев назад. Яркие цвета, в которые раскрашена горка, заставляют Малин неожиданно вспомнить состояние тяжелого похмелья.

Полицейские молча ждут, что Свен Шёман, которому выпала роль руководителя предварительного следствия, начнет первое совещание о ходе расследования взрыва, произошедшего у банка «SEB» на Большой площади Линчёпинга 7 мая, – взрыва, унесшего жизни двух девочек, личности которых пока не установлены, взрыва, при котором еще пять человек получили серьезные ранения.

Свен перестает писать на доске, оборачивается – и полицейские надеются на чудо, что он каким-то непостижимым образом уже разрешил это дело, так что они могут сказать: «Опасность миновала», – и сообщить об этом всем жителям города.

Но этой весной в Линчёпинге чудесам, видимо, нет места.

– Хочу сказать вам сразу, – говорит Свен Шёман, – сюда направляется СЭПО². Речь может идти о деятельности, направленной на подрыв общества. Формально же ответственность возложена на нас, мы будем помогать СЭПО в их параллельном расследовании, однако не можем рассчитывать на их помощь.

– Скоры они на руку, – шипит Экенберг.

– Успокойся, Вальдемар, – отвечает Карим Акбар. – Я только что беседовал с Карин Юханнисон. Для полной уверенности она провела экспресс-анализ дыры, образовавшейся на месте банкомата – там действительно была заложена бомба. Так что нам потребуется помощь. Похоже, бомбу подложили рядом с банкоматом, а не внутри его, и большая часть взрывной силы была направлена вовне. Судя по всему, это был зарядище мощностью в одну килотонну. Ранее при попытке взорвать банкоматы с целью получения денег использовались заряды меньшей силы – раз в двадцать меньше. Так что мы можем исключить версию о том, что речь идет об обычной попытке ограбления.

Свен указывает на доску.

Похоже, все остальные согласны с ним – это не обычное преступление.

– Я записал возможные версии, – говорит Свен, – которые мы могли бы обсудить. Прежде всего нас интересует вопрос, кто может стоять за таким действием.

«Действием», – думает Малин.

Щека. Глазик, уставившийся на нее.

Два маленьких ребенка убиты.

А Свен называет это «действием», но это всего лишь способ дистанцироваться от произошедшего, – это необходимо, чтобы расследование шло максимально эффективно.

– Что нам известно о погибших? – произносит Малин.

Коллеги смотрят на нее – судя по их взглядам, только что осознав, где она побывала в первой половине дня, какие события происходят сейчас в ее жизни.

Тревога.

Сочувствие.

Малин ненавидит сочувствие. Но тут же ощущается и сомнение: а вдруг она не выдержит такого удара? Сорвется, снова запьет?

– За меня волноваться не надо, – говорит Малин, желая опередить их. – Ведь сейчас я более всего нужна здесь, не так ли?

Юхан Якобсон кивает. Вслед за ним кивает Карим – и произносит:

– Мы благодарны тебе, что ты в первую очередь думаешь о погибших.

– Так что мы о них знаем?

– Пока что ничего, – отвечает Свен. – Существует теория, что это дети той женщины, которая поступила в университетскую больницу с тяжелыми ранениями. Похоже, именно она и дети находились ближе всего к бомбе, когда та сдетонировала. Речь идет о двух маленьких детях, это Карин установила точно. Но их личности пока не установлены.

---

² СЭПО – служба государственной безопасности Швеции.

Малин кивает.

– Могли ли дети быть мишенью? – спрашивает она.

– Скорее всего, они случайные жертвы, – говорит Свен, – которые по непонятному и жестокому капризу судьбы оказались в том самом месте.

Жестокий каприз?

Малин чувствует, что она на стороне детей.

Если им, конечно, не все равно, где бы они сейчас ни находились.

* * *

Мы здесь, Малин.

Рядом с тобой.

И еще везде.

Нам наскучило слушать то, что вы там обсуждаете, когда говорите о разных фракциях в обществе.

Вы всегда так рассуждаете, по-взрослому, пытаетесь все понять и объяснить.

О правых экстремистах, которые сильны в городе. Может быть, за взрывом стоят они? Но ведь они любят банки, капитализм... И, несмотря на свои громкие, болезненные взгляды, они никогда ничего особенного не совершили тут, в Линчёпинге, – кроме двух-трех сошедших на нет демонстраций.

Теперь говорит тот, которого зовут Карим. Нам обязательно надо его слушать? Мы хотим улететь прочь, к маме, погладить ее по щеке.

Но мы остаемся, слушаем.

Он рассматривает версию теракта.

Вы, остальные, не хотите об этом даже думать, но он поднимает вопрос – может быть, ему известно что-то, чего вы не знаете.

Он произносит вопрос открыто и громко: не могли ли стоять за взрывом исламисты? Может быть, в Линчёпинге существует тайная террористическая ячейка? Может быть, в исламском сообществе города начались темные течения, заставившие некоторых молодых безработных направить свою энергию не в то русло? Однако Свен возражает, говоря, что мусульмане города никогда не были замечены в проявлениях экстремизма и что в этой группе нет особых социальных проблем – помимо тех, которые всегда присутствуют в группах с высоким уровнем безработицы.

Карим настаивает: кто-то должен допросить местного имама, рано или поздно. Возможно, СЭПО знает что-то такое, что нам неизвестно. И даже если это покажется притянутым за уши, проявлением расизма, мы все равно должны его допросить. Вспомните, что случилось в Эребру. Тот бывший узник Гуантанамо обычно посещал мечеть – а потом он перебрался в Пакистан, и там его обвинили в терроризме. Но что знал об этом имам в Эребру? И что доказывает, что в Линчёпинге нет террористической ячейки?

И мы слышим, что думает Карим. Он думает так: «Хотя Швеция послала свое подразделение в Афганистан, народ не понимает, что идет война. Исламисты хотят убить нас. Они хотят убить наши семьи, наших жен, женщин и детей. Либо мы, либо они. Все просто».

И еще он думает о своем отце, Малин, – который бежал от националистически настроенных мусульман в Турции и затем наложил на себя руки в Сундсвале. Одиноким, ненужным, измученным тоской по родине.

Вы думаете слишком много. Постарайтесь сделать зло простым, понятным.

Мы так много не думаем. Мы чувствуем. Но лучше ли это?

Вы так много говорите.

Нет, мы не в состоянии слушать, как наши тела разорвало на части, Малин, как нас убило, как наша кровь обагрила мостовую площади и забрызгала ящики с цветами в цветочном магазине. Нет, мы лучше посмотрим на детей на площадке детского сада, притворимся, что до сих пор можем качаться на качелях, съезжать с горки, прыгать и бегать или просто грызть яблоко.

Это так здорово.

Просто ужасно здорово.

И он прав, этот Свен, – это наша мама лежит в больнице, подключенная ко всяким илангам, и дышит так, что нам становится страшно.

Вы опять болтаете, хотя эти двое, Бёрье и Юхан, в основном отмалчиваются. Но ты, Малин, ты иногда что-то говоришь, и Зак дополняет твои слова, а Вальдемар относится ко всему скептически, сидит мрачный и словно обиженный. Нам кажется, что ему пора выкурить сигарету, чтобы успокоиться. Наш папа иногда так делал. Он был очень добрый. Но его здесь сейчас нет.

А теперь вы обсуждаете активистов в Линчёпинге. Левых активистов – студентов, которые добились закрытия меховых магазинов. Может быть, теперь они взялись за банки? А что, если это заговор против «SEB», направленный прямо в сердце жадной капиталистической свиньи?

Стоит проверить, чем занимались в тот момент известные активисты – и все их связи, говорит Свен.

Ты морщишь нос, Малин, – ты что, не веришь ему? Но кто вообще мог подумать, что в Линчёпинге может разорваться бомба?

Дети на площадке. Они забираются высоко, но мы парим еще выше.

Мы парим над всем.

Вы говорите о камерах видеонаблюдения, о том, что надо затребовать записи и изучить, вдруг они зарегистрировали виновных, или можно увидеть бомбу до взрыва.

– Технический отдел всю работу над этим, – говорит Свен. – Они собирают улики, стараются узнать как можно больше о бомбе, установить личность погибших. Мы должны выяснить, существует ли угроза для банка. На площади других бомб не было – но вдруг они появятся? Здесь или где-то еще?

Все задаются этим вопросом, но именно Свен произносит его вслух.

– Этого мы не можем знать, – отвечает Карим. – Но пока никто не возьмет на себя ответственности за взрыв или не направит угрозы о новых терактах, мы все равно не сможем огородить полгорода.

Они когда-нибудь перестанут говорить, Малин? Это совсем не интересно.

Карим рассказывает о своей пресс-конференции, а у здания полицейского управления собралось не менее сотни журналистов, которые терпеливо дожидаются, когда вы подбросите им новый материал.

Сейчас им скучно, этим журналистам, но они в одну секунду способны превратиться в толпу хищных варанов.

Так много возможностей, думаешь ты, Малин, так много путей – по какому из них пойти?

И тут звонит телефон Свена.

Женица со илангами, подведенными к животу и горлу, – наша мама, – она на некоторое время пришла в себя и назвала свое имя. Ее зовут Ханна, Ханна Вигерё, а мы... нас зовут Тюва и Мира, и теперь только ты можешь помочь нам, Малин. Мы надеемся на тебя.

* * *

Свен Шёман складывает свой мобильный телефон.

– Теперь нам известна личность женщины, отправленной в университетскую больницу. Ее зовут Ханна Вигерё, ей тридцать восемь лет. У нее были близнецы, так что с большой вероятностью можно сказать, что погибшие – шестилетние Тюва и Мира Вигерё, проживающие в Экхольмене.

– Так она очнулась? – переспрашивает Вальдемар Экенберг. – Если она выживет, то у той сволочи, которая это сделала, груз на совести будет чуть меньше.

– Если у них есть совесть, – добавляет Бёрье Сверд.

– Уверен, что нет, – отвечает Вальдемар.

– Она находилась в сознании недолго, – говорит Свен. – Надо проверить, кто ее родственники, сообщить им...

– Я уточню, – спокойным голосом отзывается Юхан Якобсон, – и параллельно проверю активистов движения защиты животных и правых экстремистов.

– Мы можем побеседовать с ней? – спрашивает Малин.

– По словам врачей – нет. Она получила очень тяжелые травмы, почти все время находится без сознания, – отвечает Свен. – Сегодня ей предстоит большая операция. Нам придется подождать с допросом. Аранссон с его группой как раз допрашивает раненых в больнице; похоже, других тяжелораненых нет. Затем они возьмутся за тех, кто успел уйти с площади, но чьи имена мы успели записать. Малин, вы с Заком побеседуете с имамом, хотя вам и кажется неприличным обращаться к нему прямо сейчас. Вальдемар, вы с Бёрье допросите тех сотрудников банка, которых не оказалось на месте, хорошо? И спроси про камеры. Надо выяснить и про другие камеры наблюдения в городе. Управление лена наверняка хранит списки тех, кому дано разрешение на установку камер.

Бёрье кивает.

– Мы начнем прямо сейчас.

– Чувствую запах крови, – произносит Вальдемар и ухмыляется.

– Гиен я беру на себя, – говорит Карим. – СМИ точно с цепи сорвались. Что же касается СЭПО, то подождем, пока они появятся.

Доска за спиной Свена вся исчеркана, слова «исламисты» и «активисты» подчеркнуты много раз.

Малин читает надписи на доске.

– А не может заговор быть направлен против конкретной семьи, а не против банка или общественности? – спрашивает она.

Коллеги снова смотрят на нее – похоже, эта мысль никому даже в голову не пришла.

– Маловероятно, Малин, – отвечает Свен. – Тут другое – нечто больше, масштабнее. Они всего лишь попались на пути. А если кто-то действительно хотел устранить их, то ведь есть более простые способы, чем подкладывать бомбу у банка, не так ли?

Малин кивает.

– Я просто хотела озвучить это предположение.

– После того, что произошло сегодня, вам всем будет предложен дебрифинг³ и кризисная психотерапия, – говорит Карим. – Знающие люди будут находиться в вашем распоряжении, только скажите слово!

---

³ Дебрифинг – психологическая беседа с человеком, пережившим экстремальную ситуацию или психологическую травму.

Между строк читается: но лучше не говорите этого прямо сейчас. А еще лучше – не говорите никогда. Не валяйте дурака. Будьте сильными, делайте то, что от вас ожидается, не моргнув глазом, не поддавайтесь слабости и ранимости, которая живет внутри вас. Сейчас надо действовать, а не предаваться какой-то дурацкой терапии.

– Начните с имама, – говорит Свен. – Но будьте осторожны. Мы не хотим, чтобы газеты расписали нас как ненавистников мусульман. И в нынешней ситуации само наличие связи вообще сомнительно.

– Тогда, может быть, нам все же подождать? – спрашивает Малин. – Пока отложить этот вопрос?

– Вы должны допросить имама, – говорит Карим. – Это приказ. Мы должны задержать тех негодяев, которые это сотворили. У тех двух детей вся жизнь была впереди – как и у тех, что играют там, на площадке. Если даже мы и наступим кому-то на больную мозоль, ничего не поделаешь. Понятно?

– Ясное дело, имама надо допросить немедленно, – произносит Вальдемар, но Малин видит сомнение в глазах Зака, Юхана и Бёрье: зачем все это нужно на таком раннем этапе расследования, когда на самом деле ничто, кроме разве что общих настроений у общественности, не указывает в эту сторону.

Но таковы предрассудки.

И они влияют на нас. Особенно перед лицом внешней, неопределенной опасности.

Малин смотрит в окно. На площадке детского сада двое детишек заползают в домик, и со стороны кажется, что они исчезают, словно их поглотило иное измерение.

Глава 7

Мы играем в домике без стен, в темной и тесной комнате – найдем ли мы выход отсюда?

Но разве это мы плачем от огорчения?

Разве не другие дети?

Они еще живы. К ним приближается плохое.

Мы видим их, Малин. Эти маленькая девочка и мальчик еще меньше, они заперты в темноте, им страшно, они кричат.

Они и мы – одно. Каким образом, Малин? Как? Мы должны это узнать.

Снаружи злые люди. Или один злой человек. Дети плачут, они хотят спать. Им очень страшно.

А нам хорошо.

Мы гоняемся друг за другом в том белом мире, который теперь принадлежит нам, где цветы вишни расцветают один за другим, показывая свою красоту, свое желание жить.

Я гоняюсь за ней, она за мной, мы играем в пятнашки.

Мы как мягкие игрушки на кроватях в нашем доме.

Мы улетаем от детской площадки садика, от домика. От игр, в которых не можем участвовать.

Лампы горят под потолком, ослепляя нас, но веки мамы опущены, и мы не знаем, сможет ли она когда-нибудь посмотреть на нас, погладить по спинке своими теплыми руками, когда мы уже лежим в кроватках в нашей комнате и собираемся спать.

Мама.

Доктор режет тебя, но мы не хотим этого видеть. Зеленая простыня закрывает тебя в том месте, где он опускает свой скальпель, и мы закрываем глаза, так спокойнее.

Закрой нам глаза ладонью, мама.

Папа. Он должен бы быть здесь, не так ли, мама?

Но его здесь нет – по крайней мере, он не у нас.

Мама.

А ты?

Ты придешь сюда? Ты придешь к нам?

Капли, падающие с операционной лампы на твою щеку, – это наши слезы.

* * *

Я хочу быть с вами, дети мои.

Я вижу и слышу вас, но пока не могу прийти к вам. Сначала эти дяди и тети попытаются починить меня. Но я не хочу становиться прежней, мне не нужны та любовь и радость, которые обещает прекрасный май.

Я хочу быть с вами, с папой, я хочу, чтобы мы снова стали семьей, – и тогда я не смогу оставаться здесь.

Не плачьте. Не бойтесь. Я чувствую ваши слезы. Я сплю, и мне не больно, когда дядя режет меня. Он пытается мне помочь, потому что он добрый.

Возможно, я скоро приду к вам.

Но я ничего не могу обещать.

Мы не всегда все решаем сами. Но это вы уже знаете, не так ли?

Жизнь – эта не лампа, которую мы сами гасим, когда хотим.

* * *

«Фотовспышки любят меня, – думает Карим Акбар, – они любят меня, и от них у меня повышается адреналин, несется по жилам, и я чувствую, что живу!»

В большом, обшитом деревянными панелями зале суда, который пришлось выделить под пресс-конференцию, собралось не менее сотни журналистов.

Карим стоит за длинным столом светлого дерева. Поднимает руки, пытаясь уговорить толпу, когда вопросы сыплются градом. Потому что этой толпой должен управлять опытный режиссер.

Он опускает ладони, пытаясь успокоить собравшихся, заставить сесть на места – и это срывается.

Он думает, что чувствовал себя слабым и неуверенным, когда жена бросила его, но новая любовь сделала его сильнее, чем когда-либо, и теперь он знает – для него нет ничего невозможного.

Что такое краткий миг одиночества? Для такого человека, как я, всегда найдется новая любовь. Я могу позволить себе немного лихости, не так ли?

Вскоре все расселись и слушают его; слепящее сверкание вспышек прекратилось, и он рассказывает им то, что знает, – про бомбу, что имена погибших не разглашаются, пока не будут оповещены родственники. Но ничего более. Ни слова о версиях, о подозреваемых, и когда он заканчивает, вопросы сыплются снова.

- Вы подозреваете теракт?
- СЭПО подключена к делу?
- Было ли это покушением на банк?
- Есть ли риск новых покушений?
- Кто-нибудь взял на себя ответственность?

Карим уклончиво отвечает на все вопросы, что в настоящий момент они допускают разные версии, что ответственность за случившееся на себя пока никто не взял.

- Погибшие – кто они?
- Женщина выживет?
- Учитывая интересы родственников...

Еще десять-двадцать вопросов, прежде чем он поднимется, скажет: «В нынешней ситуации это все, что я могу вам сообщить!» – и выйдет из зала, словно триумфатор.

* * *

Даниэль Хёгфельдт выключает магнитофон, смотрит на белую дверь, за которой скрылся Карим Акбар. Коллеги вокруг него кажутся растерянными – похоже, задаются вопросом, как сделать из всего этого хоть какой-то материал. Он видит сомнение в их глазах. Неужели все это действительно случилось? Мощная бомба взорвалась в маленьком провинциальном шведском городке?! И за этим стоит тревога: если может случиться такое, то может случиться все что угодно. Никто и никогда не может чувствовать себя в безопасности.

Полиция скрытничает. Они всегда так делают, когда сами топчутся на месте.

«Карим Акбар ведет себя надменно, как высокопоставленный чиновник, – думает Даниэль. – И какая уверенность в себе – словно он открыл в себе новую жилу и теперь готов к большим свершениям...»

Малин Форс. Наверняка в самой гуще расследования. Неформальный лидер.

Давненько же они не виделись... Он встречался с ней только один раз после того, как она вернулась с реабилитации – и тогда была рассеянна, словно душа ее парила в других мирах, когда они занимались сексом в его квартире.

Похоже, он ее когда-то любил.

Это было до того, как Даниэль повстречал ту женщину, с которой он теперь. Малин пришла бы в ярость, если б узнала об этом.

«Хотя плевать мне на твоё мнение, Малин Форс. У тебя был шанс».

Однако его волнует, как она себя чувствует. Произошло ли нечто новое в ее жизни? Он ничего не знает, ничего о ней в последнее время не слышал. Но ведь так обычно и бывает с любимыми, с которыми ничего не получилось?

И еще этот Карим Акбар... Какая шишка на ровном месте, черт подери! Какое-то время казалось, что он изменится. Но, похоже, никто не меняется.

* * *

– А женщинам вообще разрешается сюда входить?

Малин и Зак стоят в гаснущем вечернем свете перед заводским корпусом в Экхольмене, где располагается мечеть мусульманского прихода Линчёпинга. Здание расположено у подножия поросшего лесом холма, оно словно вдавлено в тишину и бессмысленную темноту. Краска на кирпичных стенах, когда-то выкрашенных в белый цвет, местами облупилась, ряды маленьких окошек под самой крышей, крытой ржавыми железными листами, и ворота из еще более ржавого железа.

«Здание, наводящее тоску», – думает Малин и смотрит на холм, весь покрытый подснежниками и первоцветами. Кажется, природа преисполнена похотью. В воздухе разливается сладковатый аромат, похожий на запах двух тел после любовного акта. Слегка пьянящий, словно самое лучшее уже произошло. Вокруг мечети – несколько совершенно неуместных каштанов; их остроконечные цветки кажутся Малин белыми эрегированными членами.

Этой весной ее снова охватила тоска по сексу. Отдаться целиком мощному, суровому акту, где не задается никаких вопросов – ни до, ни после.

Она знает, что ей необходимо снять стресс. Но с кем?

«Или мне нужно нечто другое? Любовь? Словно она может прийти ко мне...» Малин чувствует, как все в животе сжимается, как будто черные железные когти впиваются в сердце. Ее одиночество кроется не в том, что ниже пояса; ей нужны теплые объятия, в которых можно спрятаться, уши, готовые слушать то, что она хочет сказать, мозг и сердце, которые отвечают ей, хотят ей добра, любят ее за то, какая она есть.

«Мне не хватает того, кого можно любить. Но признаться в этом даже самой себе слишком страшно».

«Сосредоточиться», – думает Малин. Сосредоточиться на работе, на их визите в мечеть.

– Сегодня всем полицейским разрешено входить всюду, куда они захотят, – отвечает Зак. – Даже женщинам-полицейским.

– Думаешь, он здесь?

Мухаммед аль-Кабари.

Лицо, известное из газеты «Корреспондентен» и из программ местного телевидения. СМИ представляют его как демагога с бородой, отказывающегося выразить четкую позицию по поводу терактов одиннадцатого сентября в Нью-Йорке и взрывов в поездах в Мадриде.

Однако он четко высказался против всякого насилия, вспоминает вдруг Малин, и внезапно ей становится как-то не по себе. Зачем они пришли сюда – так сразу и без всяких доказательств?

Зак пытается открыть ворота, но они заперты. Под небольшим окошечком виднеется старообразный черно-белый звонок.

Малин нажимает на кнопку, никакого звука не слышно, но уже через две минуты им улыбается поросшее бородой лицо Мухаммеда аль-Кабари.

Ему около пятидесяти. Острый нос подчеркивает глубину умных карих глаз.

– Я ждал вас, – любезно произносит он на безупречном шведском. – Входите!

Малин вопросительно смотрит на него, и он догадывается, о чем она.

– Женщины всегда могут зайти сюда, – говорит он. – Как и мужчины. С покрытой головой или нет.

Мухаммед аль-Кабари плавно движется в своей длинной белой рубаше.

Мечеть состоит из единственного большого помещения с белыми стенами, после небольшого предбанника с вешалкой и маленькой дверцей, за которой, скорее всего, скрывается туалет и комната для омовения. На полу – восточные ковры, плотные и мягкие.

– Снимите обувь!

Аль-Кабари отдал им это указание отеческим голосом, не оставляющим места для возражений.

Помещение оказывается куда больше, чем кажется снаружи, потолок высокий, однако Малин чувствует себя взаперти. Аль-Кабари садится на ковер в уголке и скрещивает ноги по-турецки. Угол освещен падающим солнечным светом.

– Садитесь.

Малин и Зак тоже садятся на ковер, и аль-Кабари смотрит на них, выжидая, когда они возьмут слово.

– Мы пришли сюда в связи со взрывом на Большой площади, произошедшим сегодня утром, – произносит Малин. – Я исхожу из того, что вам известно о случившемся.

Аль-Кабари вздыхает, разводит руками.

– Это ужасно.

– Погибли две девочки, – говорит Зак.

– Я понимаю, почему вы пришли, – говорит аль-Кабари, и Малин вдруг слышит свой голос, бормочущий извинения, хотя она никогда не просит прощения в ходе следствия – ни по какому поводу.

– Наш начальник отправил нас побеседовать с вами. Вы же понимаете – бомбы и мусульмане. Для большинства в нашем обществе это взаимосвязано. Я прошу прощения, если вы чувствуете себя неоправданно задетым.

Аль-Кабари смотрит на них с сочувствием, расправляет на коленях полы длинной рубашки.

– Ваш начальник – крещеный курд? – спрашивает он.

– Да, это так, – кивает Зак.

Аль-Кабари качает головой.

– Как много противоречий! – произносит он. – Я тружусь ради понимания и толерантности. Чтобы наша община вошла в общество. Но это совсем не просто. Когда я осудил взрывы в Мадриде, даже в «Корреспондентен» об этом не написали. Похоже, такое мое поведение не вписывалось в их картину мира.

Малин озирается – у нее такое чувство, словно за ней следят.

Никаких мигающих красных точек под потолком. Никаких камер, записывающих их разговор.

«Само собой, тут нет никаких камер. Это моя паранойя».

– Разрешите мне говорить без обиняков, – произносит Зак. – Вы слышали или замечали что-нибудь в вашей общине, что могло бы иметь отношение к утреннему происшествию?

Аль-Кабари качает головой:

– Зачем вам вообще задавать мне этот вопрос?

Затем, сделав небольшую паузу, он продолжает:

– Я могу заявить, что в моей общине все тихо. Заверяю вас, что такого фанатизма у нас нет. Здесь нет сумасшедших, доведенных до отчаяния подростков или свихнувшихся талибов, скрывающихся в какой-нибудь крошечной квартирке. Могу вам это гарантировать. Здесь только множество людей, пытающихся создать себе мало-мальски приемлемую жизнь.

Малин чувствует искренность в словах имама. Скорбь по поводу положения дел.

– Сегодня вечером у нас будет собрание. Многие обеспокоены тем, что случилось. Я знаю, что вы должны поймать того, кто убил этих девочек. Я не знаю ничего такого, что могло бы вам помочь. Но призываю кару на головы виновных.

* * *

Телефон Малин начинает звонить, когда они идут обратно к машине между белыми кирпичными домами Эхольмена. «Папа или Туве, – думает она. – Я должна быть с ними!»

Малин вытаскивает из кармана телефон, видит на дисплее номер Свена. Останавливается, нажимает на кнопку ответа, а перед ней в сгущающихся сумерках отчетливо виднеется бритый череп Зака.

– Это Свен. Как у вас все прошло в мечети? Вы нашли его?

– Мы только что вышли оттуда. Честно говоря, я не думаю, что все это имеет отношение к мусульманам в Линчёпинге. Шансы равны нулю.

– Он ничего не знает?

– Нет, и у меня сложилось впечатление, что он говорит правду.

– Но вы, я надеюсь, беседовали с ним осторожно? Он рассердился, что вы пришли?

– Он не рассердился, Свен, а проявил полное понимание. Что-нибудь новое?

– Наши люди допросили всех свидетелей, находившихся на площади, пострадавших и всех, кто уцелел, но не пожелал остаться. Однако никто не заметил ничего особенного. Просто ничегошеньки. И еще старик, торговавший сосисками. Видимо, мы пропустили его среди всеобщей неразберихи. Он сказал, что знает Ханну Вигерё, что она иногда приходила на площадь с детьми в первой половине дня.

– Это что-то значит?

– Она работает в доме для взрослых умственно отсталых. У них скользящий график, и иногда она бывает свободна по утрам, так что во всем этом нет ничего странного. К тому же она некоторое время находилась на больничном, так что у нее была возможность приходить туда.

– А Вальдемар и Бёрье – они побывали в банке?

– Да, они запросили записи камер видеонаблюдения банка, материалы придут из Стокгольма завтра утром – судя по всему, все хранится в некоей центральной базе данных. Они переговорили и с последними неопрошенными сотрудниками. Никто не заметил ничего необычного или людей, ведших себя подозрительно. Кроме того, я связался с начальником охраны «SEB» в Стокгольме. По его словам, никаких угроз банку в последнее время не поступало. Само собой, он выразил сомнения, что теракт вообще был направлен против них, – он считает, что взрыв произошел именно в том месте по случайному стечению обстоятельств. Однако они закрыли все свои филиалы на неопределенное время.

– Они переговорили еще раз с начальником отделения банка?

– Да. И он тоже не заметил ничего необычного. Он подчеркнул это.

– А Юхан?

– Он всю занят изучением правых и левых экстремистов города. Пытается собрать все, что нам известно, воедино, найти ключевых лиц, которых мы могли бы допросить, но это сложно – они уже пару лет сидят тихо.

– Сюда могли переехать новые горячие головы, – отвечает Малин. – Из Умео, Лунда или Уппсалы.

Она слышит, как Свен на другом конце задумчиво произносит «угу».

– И еще мы знаем чуть больше о Ханне Вигерё, – продолжает он. – У нее были веские причины находиться на больничном. Ее муж, некий Понтус Вигерё, отец девочек, погиб в автокатастрофе полтора месяца назад. Типичная авария в гололед – ехал на работу, вылетел с трассы и врезался прямо в старый дуб. Сама знаешь, каково было в конце марта, когда дороги обледенели, как каток, а потом сверху присыпало снегом. Он работал в фирме «Тидлундс хиссар» в Чизе.

– Что-нибудь необычное в этом ДТП?

– Нет, следствие показало, что это просто несчастный случай.

– Бедная женщина, – проговорила Малин. – Сначала муж, теперь дети... Просто кошмар какой-то!

– Да уж, иначе не скажешь, – вздохнул Свен.

– А другие родственники?

– Никого не можем разыскать. Никаких бабушек и дедушек, все давно умерли.

– Что, и друзей нет?

– Нет. Похоже, это семейство варилось в собственном соку.

Стоя рядом с Малин, Зак нетерпеливо топчется в траве, глядя вверх на балконы, на которых, словно луны, белеют спутниковые антенны, направленные куда-то в бесконечный мир.

– А девочки – их личность формально установлена?

– Пока нет. Карин и другие из криминально-технической лаборатории работают всю, сравнивая ДНК девочек с ДНК Ханны Вигерё. От Карин пока ничего нового нет.

На мгновение в трубке повисает пауза, и Малин вдыхает в себя запахи квартала. Здесь пахнет жареным мясом с примесью тмина и корицы, и Малин, вдруг понимая, что проголодалась, мысленно проклинает людей, которым не хватает ума закрывать окно или балконную дверь, когда они готовят еду. Затем она ощущает в весеннем воздухе горьковатый запах травы и вспоминает, как в детстве носилась по газону на родительской вилле в Стюрефорсе, когда этот запах обещал вечное движение, свободу тела... Как она обожала это чувство, чувство безграничной свободы!

– Вы все еще в Экхольмене? – спрашивает Свен.

– Да.

– Тогда можете заглянуть в квартиру Вигерё, раз уж вы все равно там.

– Так они здесь живут?

– Я сказал об этом на совещании.

– Я пропустила. И Зак тоже.

– Сейчас так много всего происходит, – говорит Свен. – Трудно все сразу переварить.

«Мозг не справляется, – думает Малин, – слишком много всего, весь мой мир – сплошной взрыв!»

– Что мы будем делать в квартире? Допустимо вот так входить туда? Ведь они потерпевшие.

– Войдите внутрь, – говорит Свен. – Это важно. Вы должны почувствовать, кто они такие. Вернее, какими они были. Ты сама знаешь, Малин. Прислушаться к голосам следствия.

«Голоса, – думает Малин. – Я послушаю их».

Но будут ли они слышны в квартире?

– Экхольмсвеген, 32а. Отправляйтесь туда. Посмотрим, что там можно найти в их комнатах.

Малин слышит жужжащий звук.

– Я отключаюсь, – говорит Свен. – Ко мне посетители.

Глава 8

Свен Шёман сидит, откинувшись в своем кресле, а двое мужчин, сидящих перед ним, пьют кофе из невзрачных стаканчиков с эмблемой «Севен-Илевен»⁴.

Они представились, назвав только свои фамилии.

Брантевик, мужчина лет пятидесяти, одетый в коричневый вельветовый пиджак. Красное, явно усталое лицо с рыхлой нездоровой кожей заядлого курильщика.

Стигман. Парень примерно возраста Малин с короткими светлыми волосами и острым подбородком. Проницательный взгляд. Одет элегантно, но небрежно – голубой джемпер и черные джинсы.

СЭПО.

На часах еще нет шести, а они уже здесь.

– Вам удалось что-нибудь выяснить? – хриплым голосом спрашивает Брантевик.

Свен рассказывает о следственных действиях – подробно, во всех деталях.

Оба сотрудника СЭПО кивают. Ни одного вопроса.

– А вам? – спрашивает Свен, глядя в окно на оранжевый фасад университетской больницы и машины, скопившиеся на огромной парковке.

– Вы можете нам что-нибудь дать? Существуют ли, к примеру, какие-нибудь международные связи, о которых нам надлежит знать? Религиозная подоплека? Или политическая?

Стигман набирает в легкие воздуха, начинает говорить – и, судя по голосу, он любит сам себя слушать:

– В нынешней ситуации это сугубо конфиденциальная информация, но между нами могу сказать, что никакими подобными данными мы не располагаем. Никакой предварительной информации к нам не поступало.

Свен кивает.

– Мы остановились в Центральном отеле.

– Они работают?

– Да, те номера, которые ведут на заднюю улочку.

– Ах ты, черт!

– Похоже, они намерены подавать завтрак в зале заседаний. А стойка администратора почти не пострадала.

– Только вы вдвоем?

– Пока да, – отвечает Брантевик. – Завтра приедут еще сотрудники. Я руковожу нашим следствием. Держите нас в курсе вашей работы!

– А вы будете держать нас в курсе своей?

Мужчины по другую сторону стола улыбаются.

Кажется, Стигману хочется сказать: «Sure, Charlie, sure!»⁵, но он сдерживается.

* * *

Когда сотрудники СЭПО покидают его кабинет, Свен опирается локтями о стол и снова смотрит вниз на здание больницы.

Ханна Вигерё.

Где-то там она борется сейчас за жизнь.

---

⁴ Название оператора крупной международной сети небольших магазинов.

⁵ Конечно, Чарли, конечно! (англ.)

Еще около десяти пострадавших останутся в больнице, некоторые – на несколько недель. Легкораненых отпустили домой, тем, кто находился в состоянии шока, оказали помощь, но шок во всем городе сохранится надолго. Возможно, он никогда не пройдет совсем.

Что такое все же произошло?

Свен думает о своих коллегах-полицейских. О том, что беспардонная целеустремленность Вальдемара Экенберга теперь им очень пригодится. И что умение Юхана Якобсона находить в компьютере невероятные вещи – одному богу известно, как ему это удастся, – будет очень кстати. Как и зрелость Бёрье, и железная воля Зака. Но более всего им нужна сейчас интуиция Малин. Возможно, именно она поведет их по верному следу.

И еще Карим Акбар. Похоже, он подошел к определенному водоразделу в своей жизни, когда вместо того, чтобы становиться терпимее, стал видеть все черным или белым. «Они» против «нас» – и кто его упрекнет в этом, когда случилось ТАКОЕ?

Малин.

Свен знает, что должен поговорить с ней, но времени на это нет. Легко предположить, что она с головой окунется в работу, что ей, возможно, надо бы поступить наоборот – заняться своими близкими. И не в последнюю очередь – Туве. Но общественность, налогоплательщики Линчёпинга очень нуждаются в ней сейчас.

«Мне она сейчас очень нужна, – думает Свен. – И пусть следует своей интуиции».

* * *

В подъезде на Экхольмсвеген пахнет потом, табачным дымом и мокрой собачьей шерстью. Здесь неожиданно сыро – парит, словно они внезапно перенеслись в джунгли. Под потолком мигает почти перегоревшая лампа дневного света, от которой выкрашенные в желтый цвет бетонные стены кажутся еще более блеклыми, а серый с разводами пол выглядит так, словно на нем кишат черви.

Малин звонит в дверь, на табличке которой написано «Вигерё».

– Как того требует вежливость, – бормочет она.

Они с Заком терпеливо ждут.

Малин звонит снова.

– Заходим, – говорит она.

– Не совсем хорошо...

– Да нет, в такой ситуации... – произносит она и достает связку ключей, находит отмычку. Минуту спустя дверь квартиры открыта.

Как выглядит самое обычное?

В коридоре – обои с цветочками. Вешалка из ИКЕА, под ней – подставка для детской и взрослой обуви, аккуратно расставленной ровными рядами.

Прибранная кухня с желтой мебелью. Вокруг круглого стола – две табуретки и два деревянных стула, которые кажутся совсем новыми. Гостиная с угловым диваном в зеленую клетку, телевизор с плоским экраном. На стенах – черно-белые фотографии морских пляжей. Они наверняка тоже из ИКЕА.

Они заходят в спальню. Жалюзи опущены, слабый свет пробивается через щелки. Две кровати с белыми покрывалами.

Малин тянется к выключателю, включает свет. Комната наполняется мягким светом, и Форс видит в рамках над кроватью фотографии – снимки из жизни девочек: как они в годовалом возрасте возятся в песочнице, как катаются на пони, резвятся на пляже, растут, танцуют на празднике в садике, играют на площадке с синей горкой, как позируют в Стокгольме перед парком аттракционов «Грёна Лунд».

Пластмассовые игрушки радостных цветов в деревянном ящике. Игры, сложенные аккуратной стопочкой. Две одинаковые куклы.

Портреты девочек крупным планом.

Самые симпатичные девочки, каких только можно себе представить.

Большие красивые глаза.

На одном снимке мама гладит их по щечкам.

Малин слышит за спиной тяжелое дыхание Зака. Его внуку два с половиной. Зак видел внука только пару раз, и Малин это известно. Трудно организовывать регулярные встречи, когда твой сын – звезда канадской национальной сборной по футболу.

– Проклятье! – шепчет Зак. – Вот проклятье!

Малин садится на одну из кроватей. Кладет ладони поверх натянутого белого покрывала.

Сестренки. Они наверняка дружили. Были лучшими подругами. «Мы против всего мира!» Так иногда бывает у сестер. И у братьев тоже.

Тут лампочка под потолком мигает, раздается щелчок, и комната снова погружается в темноту, и Малин вновь чудится тот свистящий звук, который она слышала на площади.

Она видит в темноте комнаты тот глаз на площади. И щеку, оторванный кусок человеческого лица, детского лица. Перед ее внутренним взором отчетливо стоит теперь эта картина, и она знает, что и глаз, и щека принадлежат одной из девочек – не важно, кому именно, пусть это будет щека обеих девочек-близнецов.

«Пусть им будет там хорошо», – просит за них Малин, и звук исчезает. Она на ощупь пробирается по темной комнате, так что весь мир кажется ей черным.

* * *

Малин, Малин.

Мы видим, как вы с Заком обыскиваете нашу квартиру, слышим, как вы ругаетесь при виде наших кроваток.

Красивые, правда?

Ничего странного вы не найдете, ничего необычного. Лишь самые обычные вещи и бумаги, да еще фотографии из жизни, где всё как у всех.

Ведь правда?

Близнецовая жизнь. Любовь вдвойне, счастье вдвойне.

Мама спит.

Как ты думаешь, она будет снова здесь жить?

Мы никогда уже не будем...

Теперь наш дом – мир чувств.

Всех чувств. Здесь есть все, что может испытывать человек, – даже то, что расположено далеко за пределами высказанного.

Здесь темно и холодно. Словно долгой весенней ночью, и мы хотим, чтобы мама и папа пришли и обняли нас.

Но где же наш папа, Малин?

Где он?

Где они?

Теперь вы закрываете дверь в то, что было когда-то нашим домом.

На лестнице ты оглядываешься, Малин, и ломаешь голову, что это за смутные контуры видны в темноте.

Ты снова слышишь свист. Или это пение птиц?

Это всего-навсего мы, Малин, наши парящие в воздухе тела, ищущие покоя, пытающиеся присвоить себе космос.

Но у нас не получается, Малин. Мы не можем обрести покой.

Глава 9

Карим Акбар сидит в своем кабинете – у него такое чувство, что он прикован к креслу. Кожа спинки перегрелась, и он тоскует по телу своей новой женщины, по всему, что с ней связано.

Он хочет услышать ее голос, в каждом звуке которого звучит ее острый ум. Он хочет почувствовать ее дыхание, когда она шепчет ему на ухо, почувствовать ее желание, ее страсть – как вся природа жаждет жизни по весне.

Его бывшая жена, которая уехала в Мальмё с коллегой-психологом и сыном Байраном, пусть катится к черту.

Водопад влюбленности.

«Это я могу себе позволить», – думает Карим.

Вивианна – прокурор, приехала из Норрчёпинга год назад. Она на пять лет моложе. Она никогда не играет в поддавки, она умна – и словно пробуждает в нем хищника своими устремлениями, она заставила его снова стремиться к карьерным успехам, а сама наверняка станет генеральным прокурором.

Только что звонила министр юстиции. Она хотела услышать о положении дел, о ходе следствия. Карим вовсе не удивился ее звонку, ведь во всех новостях они со своей бомбой – главная новость дня.

У него включен телевизор. Новости. И вот он видит съемки Линчёпинга, видит себя самого, а за окнами полицейского управления парковка уже опустела, уличные фонари придают странноватый желтый оттенок весеннему вечеру, который, как понимает Карим, весьма прохладен.

Вот на экране лицо министра юстиции. Прокуренное, морщинистое и строгое.

– В настоящий момент мы не видим никаких признаков того, что в деле замешан международный терроризм... Я полностью доверяю местной прессе...

Карим выключает телевизор и смотрит на офисные помещения в верхнем этаже здания суда.

В одном из помещений горит свет. Это ее офис. Он видит ее силуэт – она сидит перед компьютером за своим рабочим столом.

Тут в телефоне раздается сигнал.

Он читает сообщение.

«Вижу тебя. Ласкаю себя, глядя на твою тень. Заходи ко мне!»

* * *

Малин идет домой из управления, ощущая головокружительные запахи цветов в парке Садового общества, чувствует, как их крохотные тычинки посылают тайные сигналы ее телу: расслабься, соверши глупость, отдайся своим слабостям, кого волнует, что будет потом!

Но она знает, что надо держаться.

Во что бы то ни стало.

На часах начало одиннадцатого – похоже, один из самых долгих дней в ее жизни все же заканчивается. Настали сумерки, светящиеся кроны уличных фонарей пока не заполнены насекомыми, однако загадочным образом вибрируют от просыпающейся жизни.

Оцепление на Большой площади уже снято.

Люди зажгли погребальные свечи прямо на земле перед тем местом в стене, где находился банкомат. Там теперь не меньше сотни свечей, цветы, маленькие записочки детям,

которые, по словам СМИ, погибли на этом месте, но их личности пока официально не установлены.

Несколько девочек в возрасте Туве стоят посреди площади, обнявшись, шепчутся, плачут.

Везде горят свечи. По всей площади их, наверное, штук пятьсот. Огоньки освещают это обыденное место, как маленькие тревожные факелы, и Малин думает, что сама доброта сочится из камней, поднимаясь против зла, которое затронуло всех.

Эти огоньки – как колыхающееся молчание, крошечные коконы надежды, что все это ошибка, недоразумение, что произошедшее на самом деле никогда не происходило. Свет распространяется по миру, стараясь закрепиться, прогнать тьму. Удастся ли ему это?

На сайте газеты «Корреспондентен» Малин только что прочла, что все церкви города открыты. Туда можно пойти, чтобы поговорить, побыть с другими, вместе предаться скорби, успокоить растревоженную душу. В Домском соборе проходит служба – скорее всего, тысячи людей собрались в огромном каменном зале, там наверняка спокойно и красиво, но Малин не хочет туда, ее тянет домой, ей не нужны коллективный страх, горе и отрицание.

Тело ноет от усталости и суety дня, в воздухе еще ощущается слабый запах пыли, горелой ткани и мяса. В Центральном отеле стекольщики вставляют новые стекла, несколько официантов «Мёрнерс инн» моют швабрами деревянный пол открытой террасы.

«Мёрнерс» открыт. Глупая идея. Естественно, там пусто.

Пиво?

Это было бы чертовски кстати.

«Всего одну кружечку», – думает Малин, проходя мимо паба по пути в сторону Огатан.

Но нет.

Нет, нет.

Как бы ни жаждало тело, что бы ни нашептывали цветы.

Папа и Туве дома в квартире. Она только что беседовала с ними по телефону, они ждут ее, смотрят телевизор, и Малин надеется, что они устали и не захотят ни о чем разговаривать. Такое ощущение, что в этот день весь запас слов уже исчерпан.

Она видит перед собой Туве – когда ей два года, три, четыре, пять, шесть. Она видит, как Туве делает все то же самое, что и девочки на фотографиях в спальне в квартире Вигерё... Видит, как Туве делает все остальное, становясь старше. Все то хорошее, что, несмотря ни на что, было в ее жизни – и то, что еще наверняка будет.

Затем она ощущает укол совести. Думает, что слишком часто Туве оказывалась у нее на втором месте.

«С тех пор, как я бросила пить, стало гораздо лучше, но я по-прежнему слишком много работаю, – думает Малин. – У меня не хватает сил, чтобы до конца воспринять ее мир.

Вот так обстоит дело.

Этого я не могу отрицать сама перед собой», – думает она и проклиная себя, свою слабость. Ей так хочется стать частью мира Туве, ее мечтаний и ее жизни.

Но хочет ли этого Туве?

«Ей уже шестнадцать. С каждым днем она все самостоятельнее. Сильная, уверенная – какой я никогда не была».

Запах лета в синеве весеннего вечера.

Запах лета и отвратительный запах зла, скрывавшегося под снегом.

Два маленьких обгорелых, разорванных на куски детских тельца.

Глава 10

Малин на минутку останавливается в подъезде дома на Огатан. Прислушивается к гулу, доносящемуся из паба «Pull & Bear» на первом этаже дома. Кажется, она слышит звук пива, наливаемого из бочки в ожидающие его запотелые кружки.

Этот звук – иллюзия, она это знает, и он не пугает ее: какие бы чувства он ни пробуждал в ней, она уверена, что в состоянии контролировать их.

Малин сжимает кулаки, врезаясь ногтями глубоко в кожу. Боль помогает. С тех пор, как бросила пить, она тренировалась интенсивнее, чем обычно. Эндорфины и физические муки сдерживают тягу к спиртному, хотя и не удаляют совсем. Пробежки вдоль реки Стонгон – туда и обратно, заплывы по десять километров в бассейне «Тиннербексбадет» – пятидесятиметровую дистанцию на одном вдохе, когда тело вот-вот взорвется, а тяга к спиртному обращается в пыль. Зимой – долгие часы в тренажерке полицейского управления. Штанга весом почти в сто кило возле самой шеи в положении лежа. Жми ее вверх, иначе ты умрешь – никто не поможет тебе в этом подвале, никто не услышит твои слабые стоны и крики о помощи, если ты уронишь ее на себя.

Тягу к алкоголю можно победить страхом и мучениями, которые включают лимбическую систему, когда они преодолены. Тяга исчезает с приходом физического истощения.

Однако она может вернуться в любой момент. Показать свое насмешливое лицо и прошептать нежно на ухо: «Делай что хочешь, Малин, но я всегда с тобой, я никуда не денусь – и в конечном итоге решаю я».

Малин старается отогнать от себя гул, доносящийся из паба.

Весна в городе.

Днем солнечный свет ослепляет, освещая всю ту грязь, которая до поры до времени была скрыта под снегом.

Легко одетые девушки, о которых мечтают мужчины после долгой зимы, когда похоть впала в спячку. Природа пробуждается к жизни лишь для того, чтобы снова умереть несколько месяцев спустя в бесконечном круговороте. Голодные хищники просыпаются в своих берлогах, выходят на охоту. Они гоняются за детенышами других зверей, убивают их, чтобы накормить своих, обеспечить им выживание.

Легко одетые мужчины. Малин отпустила вожжи, сдерживающие ее собственную похоть, все невинные поиски всех людей – всего лишь танец гормонов.

Мягкие тела.

Упругие тела.

Она застыла неподвижно перед домом.

Глубже вонзает ногти в ладони, но не настолько, чтобы разорвать кожу.

«Я брожу кругами, – думает Малин. – На моем лице написано разочарование. Горечь. Мне скоро тридцать семь. Время проходит мимо меня. Из всего этого должно получиться нечто путное, а не только бесконечные поиски неизвестно чего.

Что-то должно произойти.

Тайны.

Поиски чего-то, что заставит меня двигаться дальше. Веры в себя, веры в других. Чего-то, что сможет излечить меня от этого беспокойного состояния. Обычной весны для этого мало.

Может быть, бомба? Две невинно погибшие девочки...

Мария Мюрваль? Жертва насилия в нераскрытом деле, которое сводит меня с ума. Можешь ли ты повести меня дальше, Мария, – ты, по-прежнему сидящая в своей палате в больнице Вадстены, отказываясь выйти из себя, стать прежней...

Ты тоскуешь, Мария, не так ли? Ты тоскуешь по небытию точно так же, как две девочки Вигерё тоскуют, плачут и кричат, умоляя вернуть им жизнь».

Она опускает руку.

Черное платье все мятое и грязное.

Утром были похороны.

Кажется, это было тысячу лет назад. Об этом не хочется думать. Лучше смотреть вперед, не так ли?

Малин открывает дверь подъезда и минуту спустя, стоя в прихожей, видит, как Туве надевает свой бежевый плащ, копию «Барберри» из магазина «Н&М». Малин думает, что этот плащ делает Туве старше, она кажется такой сознательной – лучше, чем эта убогая съемная квартирка, лучше, чем сама она когда-либо была.

– Ты собираешься домой к папе? Можешь остаться здесь.

– Знаю. Но я устала после долгого дня. И потом, у меня там учебники, которые я должна взять завтра с собой в школу.

«Конечно, Туве. Ты спасаешься бегством, не так ли? Как всегда делал твой отец».

– Ты не можешь остаться?

– Мама, пожалуйста!

«Хорошо, – думает Малин. – Хорошо. Но я, черт подери, не пью уже почти полтора года – ты не могла бы оставаться у меня чуть почаще?»

– Ради бабушки...

– Я разговаривала с бабушкой весь вечер. Он сказал, что не возражает, если я уйду.

В гостиной включен телевизор, какая-то викторина, Малин слышит из комнаты тяжелое дыхание отца – он не спит, ждет ее, свою дочь, чтобы вместе подвести итог этому дню, когда он похоронил свою жену, а она – свою мать.

Малин смотрит на Туве. Потом невольно трясет головой.

– Что такое?

– Ничего. Просто устала. Давай поторапливайся, чтобы не опоздать на автобус. Будь осторожна. Там может случиться все что угодно. Может, поедешь на такси?

– Нет.

– Хорошо, поезжай на автобусе.

Слово «автобус» повисает в воздухе, как усталое проклятие.

– Ты расстроена, мама?

– Туве, сегодня утром я похоронила собственную мать. Само собой, я расстроена.

Туве смотрит на нее. По ее взгляду легко догадаться, что она слышит фальшь в только что сказанных словах. Но тут Туве улыбается, делает два шага вперед и обнимает Малин. Мать и дочь стоят в прихожей, освещенные бледным светом лампы, и Малин ощущает запах дешевых духов Туве – от нее пахнет сладко и мягко, и этот запах – самый знакомый на свете.

И в то же время от Туве пахнет чем-то другим, чем-то новым – она как чужое существо, которое Малин так и не смогла до конца изучить и понять.

Она обнимает Туве крепче.

Туве тоже.

И Малин сдерживает слезы, загоняет проклятые соленые капли глубоко себе в глотку.

* * *

Дверь за Туве захлопывается с приглушенным стуком в тот момент, когда Малин опускается на диван рядом с отцом.

Он поднимает пульт, отключает телевизор, и некоторое время они сидят молча, глядя на позеленевшую медную крышу церкви Святого Ларса за окном, и видят, как высокие облака покрывают синее ночное небо.

У отца острый профиль, и Малин думает о том, каким красавцем он был в молодости, да и до сих пор еще прекрасно выглядит – и хорошо бы он нашел себе новую женщину, какую-нибудь добрую милую женщину, ибо не сможет жить один.

– Ну, как ты? – спрашивает она.

– Все хорошо, – отвечает он.

– Уверен?

Папа кивает, и у Малин возникает ощущение, что он хочет ей что-то сказать. Вот сейчас он наконец-то расскажет ей нечто важное, что она давно хочет от него услышать...

Малин встает, подходит к окну и некоторое время смотрит на улицу, прежде чем обернуться.

Взгляд у отца ясный, но усталый.

– Не пора ли тебе рассказать? – спрашивает она.

– Рассказать о чем?

Вид у отца одинокий и испуганный, испуг перед одиночеством, и Малин осознает, что нет смысла давить на него – если он и носит в себе нечто, то не расскажет этого, во всяком случае, сегодня.

– Я устала, – произносит Малин. – Такой долгий был день.

– Ты собираешься лечь?

Она кивает.

– Тогда я пойду к себе.

– Почему вы пришли сюда? Вы могли бы остаться у тебя.

Папа смотрит на нее многозначительным взглядом.

– Так захотела Туве?

– Нет, она ничего об этом не говорила.

– Но ты захотел. Почему?

«Это вопрос, – думает Малин. – Я допрашиваю его».

– Почему ты захотел прийти сюда? Ты хочешь, чтобы мы поговорили о маме? О ней ведь особенно нечего сказать. Ты лучше всех знаешь, какие прекрасные отношения у нас ней были.

Папа встает.

Он стоит перед журнальным столиком, засунув руки в карманы своих серых вельветовых брюк, его лицо кажется неожиданно круглым в свете оранжевого торшера.

– Малин, дорогая. Она только что сошла в землю.

– Нисколько не рано, если тебя интересует мое мнение.

Она чувствует, как слова сами вырываются наружу в порыве внезапной ярости, и этот поток невозможно сдержать, как раньше не получалось подавить импульс напиться до бесчувствия, до блаженного беспамятства.

«Зачем я все это говорю? – думает Малин. – Мама была человеком с ледяной душой, но она никогда не причиняла мне физической боли. Или причиняла? Может, она меня била, хотя я этого и не помню... Может, я вытеснила эти воспоминания?»

– Я уйду, – говорит папа. – Если не получится раньше, то встретимся у адвоката.

Однако не уходит.

– Малин, – произносит он. – Не моя вина, что она была такой. Я не раз пытался поговорить с ней, убедить ее больше заниматься тобой, Туве...

– Теперь уже поздно.

– Не суди ее слишком строго, Малин. Потому что тогда ты осуждаешь всех.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что тот, кто сам без греха, пусть бросит первый камень.

– Так теперь я виновата в том, что мама была холодной равнодушной ящерицей?

Папа закрывает глаза, словно сдерживая гнев, желая что-то сказать, но потом выпускает воздух из легких длинным выдохом.

– Тебе надо поспать, – говорит он. – Наверное, там, на площади, было ужасно. Эти бедные девочки...

Девочки.

Глаз.

Лицо.

И Малин ощущает, как вся ярость улетучилась; она кивает отцу – кивает несколько раз.

– Прости, – говорит она. – Недостойно с моей стороны говорить плохо о маме сегодня.

– Всё в порядке, – отвечает папа. – Мы поговорим в другой день. И ты меня прости, если я веду себя странно.

Странно?

«Не похоже, чтобы ты был особо грустным, в отчаянии, сломлен горем. Так какой ты, папа? Загадочный, опустошенный, растерянный?»

– Я пошел, пора спать, – говорит папа.

Затем он уходит в прихожую, и Малин слышит, как он надевает пальто, а потом выкрикивает: «Спокойной ночи! Целую!», и Малин отвечает: «Пока, папа, спокойной ночи!»

* * *

Туве видит письмо на комодке в прихожей, едва войдя в квартиру на Мальмслетт. Видимо, папа положил его на видном месте, когда пришел домой с работы.

Она видит логотип в уголке, слышит краем уха, как папа возится в гостиной. Он что, пылесосит? У нее возникает чувство, что кто-то только что ушел, что другой, неизвестный человек только что побывал в доме.

Папа. Вот и он, и она обнимает его. Он тверже, чем мама, надежнее и проще, но и скучнее – она не может отделаться от этой мысли, от этого чувства.

– Тебе письмо, – говорит папа, когда они размыкают объятия. – Не понимаю, откуда оно.

– Да нет, это просто реклама какой-нибудь школы, – отвечает Туве и надеется, что он не услышит ложь в ее голосе. – Тут кто-то был?

Папа с удивлением смотрит на нее.

– Тут? Кто мог тут быть в обычный будний вечер – кроме тебя?

– Да, само собой, – бормочет Туве, и теперь ее черед ощутить, что в воздухе повисло ощущение лжи, так что она берет письмо в руку и начинает подниматься по деревянной лестнице в свою комнату на втором этаже.

– Устала, – говорит она. – Пойду лягу.

Папа смотрит на нее, кивает, прежде чем задать вопрос:

– Как там мама?

В его голосе звучит чувство долга, от которого в Туве вспыхивает раздражение.

– Нормально, – кратко отвечает она.

– А дедушка?

– С ним тоже все в порядке.

* * *

Письмо у нее в руке.

Она чувствует, как трясутся руки, и пытается открыть конверт пальцами, не повредив содержимого.

Логотип школы в уголке.

Мечта.

Не какая-нибудь там заурядная школа. Прочь от всех проблем!

От мамы.

Боже, как ей стыдно, когда у нее возникает эта мысль!

Она роняет конверт. Торопливо поднимает, и в конце концов ей удается открыть его аккуратно.

Одинокий лист белой бумаги.

Плотный лист хорошей бумаги. Это может означать только одно, не правда ли? Туве берет письмо с собой в кровать, зажигает ночник и разворачивает листок. Читает, улыбается – и теперь ей хочется прыгать и смеяться от радости, и кричать, но тут она чувствует, как в животе все сжимается: «Мама, мама, как я расскажу обо всем этом маме?»

* * *

Малин сняла одежду и улеглась в кровать под одеяло в дешевом пододеяльнике.

Под собой она чувствует очертания мягкого, хорошо знакомого, одинокого матраса.

Пытается вызвать в памяти образ мамы, но это не получается – лицо так и не обретает черт, остается контурным наброском.

«Почему я не могу увидеть тебя, мама? Почему я не испытываю скорби? Или я вытеснила скорбь?»

Не думаю. Ты предала меня однажды, не так ли, и ту скорбь, которую я должна бы испытывать сейчас, я чувствовала тогда, ведь так? Возможно, именно эту скорбь я испытывала всю свою жизнь.

Существует ли уважительная причина, по которой можно предать своего ребенка? Бросить его? Нарушить единственно безграничное доверие любви? Повернуться к нему спиной из мелкой злобы, каким-то образом злоупотребить им...

Нет.

Тогда ты заслуживаешь смерти. Тогда ты предатель.

Тайна пока принадлежит папе, но я чувствую, что где-то что-то вот-вот прорвется».

Малин поворачивается на бок. Пытается заснуть, готовясь к тому, что сон придет не сразу, как это обычно бывает, но на этот раз сон наваливается на нее мгновенно.

Во сне она видит Марию Мюрваль.

Еще она видит маленького мальчика на кровати в другой палате; у мальчика нет лица, но есть большой черный рот, и из этого рта вылетают слова на языке, которого Малин не понимает – она даже не знает, человеческий ли это язык.

Еще во сне ей являются девочки с площади.

Они парят, белые и прекрасные, над больничной койкой своей матери.

Прибор искусственной вентиляции легких пищит в ее сне. Он сигнализирует, что жизнь еще не угасла, что пока есть надежда. Девочки улетают вверх и вперед, летят над лесом, далее в сторону неподвижного темного побережья.

И тут девочки кричат. Они оборачивают лица к Малин и кричат от ужаса. Звучат еще какие-то детские голоса, и скоро весь сон Малин наполняется детскими криками.

- Выпустите нас! – кричит чей-то голос.
- Выпустите нас! Выпустите!

Глава 11

Свен Шёман не мог заснуть – в комнате было слишком жарко, – так что он поднялся, не включая света, на цыпочках пробрался по дому, по скрипучему полу, в кухню и сделал себе бутерброд из домашнего хлеба, испеченного женой.

А затем он поступил так, как поступал уже тысячу раз.

Спустился по лестнице в подвал своей виллы, зашел в столярную мастерскую, стены которой были звукоизолированы старыми упаковками от яиц. Бутерброд он съел, стоя у токарного станка, не в силах заставить себя запустить его, тем более взять в руки одну из заготовок, над которыми сейчас работает.

И вот теперь он сидит на табуретке возле станка и своих инструментов, ощущая все одиночество этого помещения, думая о тех чашах, которые он выточил и которые обрели новые дома благодаря магазинчику народных промыслов на Тредгордсгатан.

В его городе взорвалась бомба.

Кто мог себе представить, что такое возможно? Но теперь это случилось. Две девочки убиты, и когда все носятся туда-сюда, когда общественность охвачена коллективной паникой, он стоит среди всего этого, как древняя сосна, которую ни один ураган не в силах сломать.

Малин.

В отношении нее он не уверен. Ей удастся продержаться без алкоголя, и у них с Туве вроде бы снова наладились отношения. А вот с Янне?..

«Я не жалею, что заставил ее отправиться в реабилитационный центр, хотя в каком-то смысле ощущаю, что она никогда больше не сможет мне доверять, словно раньше она считала само собой разумеющимся, что я всегда прислушаюсь к ее воле, как бы там ни было.

Она управляла машиной в нетрезвом виде.

Приходила на работу пьяная.

Все это чуть не принесло ей крупные неприятности, и кто-то другой мог пострадать. Ни того, ни другого я просто не мог допустить.

А теперь еще ее мать... Помню, что происходило со мной, когда умерла моя мама. Как будто у меня отняли чувство защищенности, я почувствовал, что наконец-то стал взрослым, что теперь свободен от страха потерять ее.

Я горевал, но прежде всего я рос. Она прожила большую жизнь, дожила до преклонных лет, ее любовь я могу ощущать и сегодня. Но тогда у меня возникло чувство, будто во мне образовалась дыра, которая никогда не заполнится.

Малин балансирует на тонком канате. Все что угодно может заставить ее оступиться и сорваться в темноту. Но Малин – человек, а нам, людям, нужно уметь справляться именно с этой задачей – быть людьми».

* * *

Маленькие беззащитные люди.

Убить каждого, кто поднимет на них руку.

Убить.

Юхан Якобсон смотрит на своих детей, спящих в детской на первом этаже дома. Он наконец-то дает волю чувствам, не испытывая ни малейшего стыда.

Его дети почти ровесники девочкам, погибшим сегодня на площади. Невероятно. Но вместе с тем все это реально.

И Малин.

Малин, которая как раз в тот день хоронила мать. Кажется, это взрыв каким-то противоречивым образом помог ей собраться и выпрямиться. Она словно стала плотнее, отчетливее – происшедшее помогло ей справиться со своей бедой, выжить.

Юхан закрывает дверь в комнату детей.

Стоит в темной прихожей.

Кто бы ни был виновен в этом взрыве, мы должны задержать его или ее. Или их.

«Здесь проходит водораздел, – думает он. – Тот, кто совершает насилие по отношению к детям, нарушает наш общий человеческий контракт, и после этого контракт уже невозможно восстановить. Эти люди утратили право принадлежать к человеческому сообществу.

Почему люди идут в полицию? Почему я сам стал полицейским?

Всем известно, что я вовсе не такой мачо, как Вальдемар. И как Бёрье, кстати.

Но я люблю тонкую работу. Разобрать по косточкам людей и события. Покопаться в истории человеческой жизни. Увидеть закономерности, приведшие их к определенной точке в их жизни.

И четкость. Во всяком случае, в таких делах, как это. Потому что, если отбросить покровы, конфликт обнажается и становится предельно простым. Я – против тех, кто делает детям больно. Белое против черного. Все проще простого».

* * *

Бёрье Сверд спит.

Спит и Вальдемар Экенберг.

Они спят каждый на своей небольшой вилле, и их безмятежное дыхание объединяет их.

В постели у Бёрье спят его овчарки. Теперь он разрешает им забираться в кровать, с ними ему не так одиноко по ночам, и он замечает, что они тоже чувствуют себя более уверенно. И ему самому спокойнее от чуткого присутствия собак. Как будто они в состоянии не подпустить зло.

Бёрье сходил на службу в Домский собор – один из двухсот тысяч пятисот жителей города, пришедших туда. Стоя в самом конце, он смотрел на спины сидящих на церковных скамьях, видел мягкий, но мощный свет, освещающий лик Христа на алтаре, а лампы на стене заставляли камни петь, требовали чего-то от собравшихся, требовали справиться со страхом и паникой – об этом говорил и епископ.

«В такой момент особенно важно объединиться. Ни на кого не указывать пальцем, проявлять терпимость и не позволять страху руководить нашими поступками и нашим выбором. С верой в доброе начало в человеке мы победим зло!»

Тут Бёрье невольно фыркнул. Чем вера помогла Анне? Победила ли она злую болезнь?

Нет, конечно же.

Но почти до самого конца у нее была полноценная жизнь. Ей было тяжело и больно, однако каждый день он видел в ней неукротимую силу, желание жить и, возможно, веру в доброе начало в человеке.

Стоя в церкви, он думал о Малин.

Казалось, ее мучает, по сути, то же самое, что и Анну. И точно так же она борется, пытается видеть хорошее, в то время как могучая темная сила в любой момент грозит утащить ее на дно. «Но ведь именно тогда, – подумал он, – когда жизнь выстраивается вдоль такой четкой линии, нам становится особенно очевидна суть бытия, и мы в состоянии понять, что эти основополагающие противоречия и есть божий замысел».

«Но здесь, в этой церкви, – продолжал он рассуждать, – мы пытаемся совместными усилиями убедить самих себя в том, что противоречий не существует, что бы там ни говорил пастор. В трудные времена мы ищем утешения, в остальное же время нам плевать».

Он вышел из церкви до конца службы. Почувствовал, как кончился весь кислород, как пламя свечей потянулось за ним. Домой шел пешком, ибо стоял теплый весенний вечер. И Бёрье думал, что ему хочется домой, к простой и понятной собачьей любви...

* * *

Вальдемар Экенберг спит, обняв жену. Она лежит без сна и смотрит на него, восхищаясь его твердостью, способностью никогда не сдаваться. Ее не беспокоит его склонность к расизму и упрощениям. У него наверняка есть на это причины. Он заботится о ней и всегда заботился. Они проживут на одну его зарплату, если понадобится. Ей никогда не нравилась работа в «Рекс компонентс» – сидеть целыми днями и заносить данные в компьютер. С другой стороны, ей нравилось чувствовать себя нужной. Но Вальдемару, кажется, даже нравится, что она не работает, потому что тогда все домашние дела делаются идеально и каждый вечер на столе полноценный ужин.

Вальдемар заботится о своих.

О своих коллегах.

О Бёрье, Юхане, Свене. О Малин. Сегодня за ужином он сказал, что волнуется за нее. Вдруг она снова начнет пить после смерти матери? «Но она, похоже, держит ситуацию под контролем, правда?» – спросил он, словно его жена могла это знать. Однако одно она знала точно: как бы мы ни старались помочь человеку, в конечном итоге он сам должен справиться со своими демонами.

И кто знает, какие кошмарные сны преследуют на самом деле эту Малин?

* * *

Зак сидит за компьютером в кухне. Он только что проснулся и не смог снова заснуть. Находит в недрах компьютера фотографию своего внука, живущего в Канаде. Мальчика зовут Пер, родители зовут его Пелле, и Зак переживает, что видел его всего несколько раз.

Из спальни доносится храп жены, и этот звук дает Заку чувство покоя, однако он все равно не в состоянии заснуть.

Проклятие, какой ужас – эти девочки на площади...

Что бы он сделал, случись такое с его Пелле?

Он бы выкурил тех негодяев, которые это сделали, из их нор.

Однако он знает, что лишенная четкого плана агрессия в подобных делах лишена смысла. Они должны вести себя методично, не позволять ненависти или злости ослеплять себя.

Зак снова смотрит на фотографию внука.

Вот он делает свои первые шаги в цветущем саду его сына Мартина...

Проклятие.

Он знает, что может нажать посильнее, если потребуется.

«Иди к черту», – думает Зак, видя перед собой монстра в человеческом обличье.

Глава 12

8 мая, вторник

Чего хочет журналист? Поймать правду. Выпустить ее в свет.

Паразитировать на ней, делать выгоду. Дать собственное *ви́*дение, поделиться им с теми, кто пожелает слушать. Если они вообще чего-то сами хотят, эти журналисты.

Часы показывают еще только без четверти семь, когда Малин паркует машину перед зданием полицейского управления, но, несмотря на ранний час, перед входом уже собралась небольшая стайка журналистов.

На парковке стоят машины каналов SVT и TV4. В таком деле, в такой чрезвычайной ситуации особенно важно держать СМИ подальше, не давать коршунам раскатать лодку, распространить в обществе страх.

Но, возможно, жители Линчёпинга и без того напуганы? Кто знает, когда взорвется следующая бомба? Какие пласты пришли в движение?

Малин втягивает в себя свежий утренний воздух, ощущая запах пробуждающегося хлорофилла, запах жизни, которая ждет расцвета, – кажется, вся природа жаждет слиться в любовных объятиях сама с собой и забыться в упоении.

Здесь ли Даниэль Хёгфельдт? В этой ли стае?

Она его не видит, а когда приближается к входу, журналисты кричат ей:

– Малин! У тебя есть для нас что-нибудь новенькое? Каковы ваши главные версии? Активисты, исламисты... кто-нибудь взял на себя ответственность?

Она качает головой, поднимает руку, закрывая лицо и жалея, что не надела темные очки, но все же в глубине души рада, что на ней красивое голубое платье – на случай, если она все же попадет где-нибудь в кадр. Кобура с «ЗИГ-Зауэром» спрятана под белым летним пиджаком. Белые полукеды французской модели. Она почувствовала себя очень стильно одетой, когда смотрелась в зеркало у себя в спальне, и порадовалась тому, что ее облик восстановился и приобрел новые черты с тех пор, как она бросила пить.

Она по-настоящему хороша собой. Упругая кожа, плавно облегающая высокие скулы, блестящие волосы, живые голубые глаза. Смотрится неплохо.

«Но почему же тогда я одинока?» – подумала Малин.

– Без комментариев, – произносит она, когда толпа расступается, возможно, из уважения – многие из них освещали другие случаи, в которых она была задействована, и знают ей цену.

Тут автоматические двери бесшумно распахиваются, и она входит, слыша характерное шипение, когда створки закрываются у нее за спиной. И в этот момент звонит ее телефон. Она роется в сумке, находит мобильник, видит на дисплее номер Даниэля, не хочет отвечать, но все же отвечает.

– Это я, Малин.

И она слышит по его голосу, по деловитости его тона, что это звонок чисто по работе. Он не намерен встречаться, чтобы потрахаться.

– Слушай меня, – говорит Даниэль. – Я решил позвонить тебе первой, учитывая ситуацию. Мне на мой редакционный адрес пришло сообщение от людей, которые именуют себя Фронт экономической свободы. Они пишут, что ведут войну против всех банков, которые называют форпостами алчности, и еще они пишут, что вчерашний взрыв организовали они. И что намерены продолжать.

Малин останавливается возле стойки дежурного, за которой сидит только что вошедшая администратор Эва, и кивает ей.

– Что ты сказал?

– Ты слышала, что я сказал. Фронт экономической свободы. Слышала о таком?

– Нет, никогда.

Малин движется к своему рабочему месту в открытом офисном пространстве, отмечая, что она пришла первая из следователей оперативной группы, однако бесчисленное количество полицейских в форме уже бегает туда-сюда с чашками кофе и бумагами в руках.

– Никогда не слышала ни о каком Фронте экономической свободы, – повторяет она.

– Но такое ощущение, что информация серьезная, – говорит Даниэль. – Они прислали ссылку на свой сайт – зрелище не из самых веселых, черт меня подери!

Она уже у компьютера.

– Адрес, Даниэль, адрес!

– Как звучит. Точка *se*.

– Подожди, я включаю компьютер. А адрес электронной почты?

– Сообщение пришло от анонимного отправителя.

Ее пальцы бегут по клавиатуре.

Не то.

Проклятие! Наконец ей удастся набрать в обозревателе верный адрес.

Надпись синими буквами на светло-зеленом фоне. Знак, представляющий собой горящие логотипы «SEB», «Nordea», «Swedbank» и «Торгового банка».

Она читает:

«Банки страны, владельцы, руководители и сотрудники которых стали выразителями безудержной алчности, угрожают всему климату в обществе. Их поведение превращает мир, в котором предстоит жить нашим детям, в клетку с дикими хищниками.

Поэтому Фронт экономической свободы объявляет войну банкам Швеции. Они и их алчность должны быть уничтожены!»

Фотографии с Главной площади после взрыва.

Малин прокручивает дальше.

Фотографии банковских офисов в других городах. Под всеми одна и та же надпись:

«Следующая мишень?»

И, наконец, в самом низу страницы еще текст:

«Жертвы среди мирного населения не исключены в нашей борьбе за спасение нравственности, взаимной заботы и любви между людьми».

– Ну что, посмотрела?

В голосе Даниэля слышатся страх и отвращение, но также и ожидание – похоже, он надеется, что его похвалят и похлопают по плечу.

– Да.

Никаких других заголовков и ссылок, больше ни слова об организации – только то, что поместилось на стартовой странице.

– Очень подозрительно, – произносит Малин. – Ты выложил это на ваш сайт?

– Нет. Решил сначала позвонить тебе.

– Подожди, пожалуйста, еще немножко. Пока мы не проверим это. Просто чертовщина какая-то!

– Я не могу ждать, Малин. Ты прекрасно это понимаешь.

– Ты можешь создать панику, Даниэль.

– Люди имеют право знать, Малин. Почему ты думаешь, что они не разослали это куче других СМИ? Если ты пробьешь это, то наверняка найдешь еще в нескольких местах. Неужели никто другой не сообщил вам? Неужели вы сами не получили этого сообщения?

«Получили ли мы сообщение? Я не знаю. Получил ли его кто-то еще? Или только Даниэль? Если да, то почему только он?»

Она закрывает глаза, видит перед собой фотографии девочек на стене квартиры и понимает, что Даниэль прав.

Люди должны знать.

– Хорошо, – говорит она. – Поступай так, как должен. Но как ты думаешь, почему сообщение отправили именно тебе?

– Не знаю. Но ведь я – ведущий журналист главного новостного ресурса города, так что это вовсе не странно, согласись. Если, конечно, они как-то связаны с Линчепингом.

– Разве не логичнее им было обратиться в национальные СМИ?

– Возможно, они так и сделали. Через две секунды это будет везде. Или они хотят подчеркнуть свою местную принадлежность... Откуда мне знать? Они прекрасно понимают, что все распространится мгновенно, как бы они ни поступили.

– Хорошо. Еще раз спасибо. Мы обратимся к тебе. В первую очередь технический отдел, который попытается отследить отправителя сообщения. Ты можешь переслать его мне?

– Само собой.

– Отлично.

В трубке повисает пауза.

– Ну, а вообще как у тебя дела? – спрашивает Даниэль после десяти секунд, которые кажутся долгими, как целый год. – Я слышал про твою мать...

– Извини, сейчас не могу говорить об этом. Мне нужно срочно заняться делом.

Малин кладет трубку.

* * *

Жертвы среди мирного населения не исключены...

Фотографии на сайте, похоже, взяты из газет. Четкие и подробные, как обычно выглядят снимки профессиональных фотокорреспондентов.

На фотографиях с площади видны желтые пластиковые покрывала.

Думать о том, что скрывается под ними, не хочется.

...объявляет войну банкам Швеции. Они и их алчность должны быть уничтожены.

«Неужели правда? – думает Малин. – Неужели за всем этим стоит дьявол, поклоняющийся деньгам? Дикая жадность банков и финансовых воротил, которая кусает сама себя за хвост?»

* * *

Спустя полчаса вся оперативная группа стоит в кабинете Свена Шёмана.

Вальдемар Экенберг, Бёрье Сверд, Юхан Якобссон, Зак, Малин и Карим Акбар. Они смотрят на компьютер, стараясь уловить то, что скрывается за словами.

– Так вот оно что, – произносит Вальдемар Экенберг. – Осталось поймать этих сумасшедших из Фронта экономической свободы – и дело раскрыто.

– По-моему, страница выглядит неубедительно, – возражает Юхан. – И я нигде не столкнулся ни с каким упоминанием о Фронте экономической свободы, когда делал обзор

всех экстремистских организаций в городе. Нигде, ни разу. Кажется, те, кто базируется в Линчёпинге, более всего интересуются правами животных.

– Могли образоваться новые группы, – говорит Бёрье. – Кто знает, до чего могут довести людей кризис и чудовищная несправедливость и до какого отчаяния эти люди могут прийти...

– Поручим техническому отделу отследить, откуда отправлено сообщение, а также найти сервер, на котором находится страница, – говорит Свен. – От других СМИ никаких сигналов не поступало, и «Корреспондентен» выложила информацию на свой сайт пять минут назад, так что высока вероятность, что сообщение было послано только Даниэлю Хёгфельдту.

– Это указывает на их местную привязку, – говорит Бёрье.

– Может быть, – отвечает Малин. – Но вместе с тем они могли использовать «Корреспондентен», чтобы мы думали, будто они имеют четкую локальную привязку.

– Если они разбираются в технике, – задумчиво произносит Юхан, – то могут обгонять нас на сто шагов. Мы никогда не доберемся до них обычным путем.

– Как вы думаете, сколько их может быть? – спрашивает Зак.

– Невозможно сказать, – отвечает Свен и нажимает на кнопку «обновить».

Стартовая страница изменилась.

Теперь первым идет видеоклип со ссылкой на «Ютьюб».

Свен запускает клип.

Человек в серой куртке с капюшоном и черных джинсах, с черной маской на лице, стоит в каком-то помещении, напоминающем склад, с листком бумаги в руке. Светлый видимый участок руки явно указывает на то, что рука принадлежит белокожему человеку.

– Похоже на видео «Аль-Каиды», – говорит Карим. – То, в котором они отрубают голову пойманному западному человеку.

– Черт!.. – шипит Зак.

– Мы поймаем эту сволочь! – восклицает Вальдемар.

Малин кажется, что проходит вечность, прежде чем мужчина начинает что-то читать по бумажке на камеру. Голос твердый, но хриплый, без всякого акцента – очевидно, микшированный, чтобы его невозможно было узнать.

– Шведский народ, – говорит мужчина. – Избегайте банков! Вы никогда не знаете, когда придет новый привет от Фронта экономической свободы. Банки, финансовые корпорации и капиталисты рискованных компаний будут наказаны и уничтожены. Пусть дрожит крупный капитал, пусть родится новое время с новой этикой и новыми отношениями между людьми – чувства без алчности.

На этом клип заканчивается.

Полицейские молча стоят вокруг компьютера Свена.

Малин думает, что нечто такое рано или поздно должно было появиться, чем бы там оно ни объяснялось.

Она смотрит в окно в сторону больницы. Там медсестры и санитарки выполняют свою тяжелую работу в течение долгих дежурств – в пользу кучки толстосумов, сидящих в Стокгольме, которые одним нажатием клавиши делают деньги на идиотских сделках, сбросивших страну в экономическую пропасть. Там пациенты получают убогое питание. Там безработные и прочие оставшиеся за бортом переполняют психиатрическое отделение.

Проклятые алчные вампиры...

Ясное дело, в конце концов кто-то отреагировал.

Туча закрывает солнце, затеняя день и кабинет Свена.

– Дьявол! – восклицает Вальдемар. – Эту гниду я лично прикончил бы выстрелом в затылок. Похоже, он швед...

– К черту! – отвечает Свен. – Прекратить эти разговоры. Возьми себя в руки, Экенберг. Но он и впрямь, похоже, швед. Давайте отбросим эмоции и проанализируем всё в спокойной обстановке, методично обсудим состояние дел. Разумеется, это может оказаться правильной версией, но мы прекрасно понимаем, что это может быть и ложный след. Кучка сумасшедших, которые хотят подшутить, воспользовавшись ситуацией.

– Ты так думаешь? – переспрашивает Вальдемар. – Этот мужик похож на человека, который шутит? Я считаю: пора выжечь этих психов из тех нор, в которых они прячутся.

– Надо передать видео на экспертизу в технический отдел, – говорит Свен. – Выяснить, что с него можно получить, – добавляет он.

В следующую секунду раздаётся звонок в дверь офиса, и несколько мгновений спустя в кабинете появляется рыжая веснушчатая ассистентка.

– Нам только что доставили с посыльным видеозапись с камеры слежения банка, расположенной над входом. Остальные они пришлют, как только смогут, – говорит она, протягивая допотопную видеокассету. – Начальник службы безопасности банка сделал здесь пометки. Он считает, что нам следует посмотреть запись как можно скорее.

Глава 13

«Значит, сейчас мы увидим лицо убийцы?»

Малин ощущает, как адреналин приливает к сердцу, как оно начинает биться быстрее.

Вся оперативная группа перебралась в обычный зал заседаний, куда кто-то вкатил стойку с телевизором и видеопроектором.

Площадка детского сада пустует, на фоне прекрасного весеннего дня кажется, что качели и горки скучают без детей.

От технического отдела пока никакой информации не поступило, хотя Малин знает, что Карин Юханнисон и ее команда работали всю ночь. Что именно взорвалось? Какое взрывчатое вещество использовано в бомбе? Чем был вызван взрыв? Пультом на расстоянии? Или таймер бомбы был выставлен на определенное время? Какова точная мощность заряда?

«Никто из нас не успел ни о чем подумать», – возникает вдруг мысль в голове у Малин.

Бомба взорвалась вчера.

Затем они разбежались в разные стороны, хватаясь за все что попало. А теперь у них есть Фронт экономической свободы и видео из банка.

События происходили одно за другим, и у Малин возникает ощущение, что они находятся сейчас в пустоте. Словно никто из полицейских так до конца и не осознал, что на главной площади города взорвалась бомба.

«Мы кидаемся во всех направлениях, вместо того, чтобы остановиться, оглянуться, – думает Малин. – Мы гоняемся за теми мячами, которые появляются в наших узколобых головах. У нас нет времени остановиться, подумать. Нарастающая невысказанная паника, заключенная в вопросе, который каждый шепотом проговаривает внутри себя: “А что, если мы с этим не справимся?”»

Справится ли с этим Линчэпинг? Вчера в церкви города пришло пятнадцать тысяч человек, ища утешение там, где его принято искать. На Большой площади все больше свечей, все больше цветов – судя по всему, народ уже начал посылать туда цветы из Стокгольма, Гётеборга и Мальмё, и еще бог знает из каких городов.

Такого просто не бывает. Этого не могло случиться.

Однако это случилось. И что делают в таких случаях? Когда отрицать уже невозможно и ты остаешься наедине со своим страхом? Тогда посылаешь цветок, ищешь утешения в коллективной судьбе. Может быть, даже хорошо, что все превратилось в реальный, зримый кризис вместо медленного и абстрактного экономического кризиса, сжимающего горло?

«А я, – думает Малин, – вчера я похоронила свою мать. О чем я мечтаю? Чего я хочу?

Если я остановлюсь, мне придется отвечать на этот вопрос.

Лучше уж посмотрю видеозапись».

* * *

Но вот Карим Акбар нажимает на кнопку воспроизведения, полицейские откидываются на спинки неудобных стульев – и видят в уголке кадра, снятого с максимальным приближением круглой линзой, как мужчина в черной куртке с капюшоном ставит рядом с банкоматом велосипед и медленно уходит оттуда в направлении Госпитальной площади.

Беззвучные черно-белые кадры.

Полицейские молчат.

На видео отчетливо видны плакаты в окнах банка. «Фонд Куртзона».

Куртзон.

Малин название кажется знакомым, но она никак не может вспомнить, в какой связи его слышала. Кажется, это какая-то новая фондовая компания? Но это не важно, лучше сосредоточиться на записи.

На багажнике велосипеда прикреплен черный рюкзак.

«Подонки, – думает Малин. – Но кто он? Тот же человек, что и в видеоклипе с “Ютьюба”?»

И тут, словно из ниоткуда, в центре кадра появляются две девочки в розовых курточках и джинсах, бегущие к банкомату, а из банка появляется размытая фигура мужчины с обнаженными руками.

Невозможно увидеть, кто этот человек.

Обычный посетитель.

Но разве она не узнает его?

Нет. Ей просто кажется, и никто из остальных оперативников не реагирует.

Боже мой! Я узнаю девочек.

Они проходят рядом с банкоматом и снова исчезают.

Затем, минут через пять, после того, как прошли еще двое клиентов, девочки возвращаются, а позади них можно разглядеть их мать.

Их темные волосы кажутся темно-серыми на черно-белой пленке и, несмотря на плохое качество записи, видно, как сияют их глаза, как они наслаждаются этим весенним утром на площади, завоеывая мир каждым своим шагом.

Малин закрывает глаза.

Зак увидел то же, что и она. Никаких сомнений, это близняшки Вигерё – убитые, разорванные на куски дети.

Взрывная сила бомбы в рюкзаке, должно быть, была направлена и в сторону банкомата, и в сторону площади. Для специалиста в такой задаче нет ничего невозможного.

Велосипед уничтожен полностью. Возле банка не удалось обнаружить никаких кусков, иначе Карин обязательно обратила бы на это внимание. Он, наверное, расплавился и превратился в молекулы. В эпицентре взрыва возможно все.

Девочки поворачивают головы, смотрят на велосипед, на рюкзак, словно из него доносятся какой-то звук. Затем – чернота.

* * *

Малин.

Мы видим самих себя в эти последние секунды, но мы не чувствуем боли.

Мы не успели почувствовать боль.

Теперь мы так этому рады.

Малин, что ты собираешься делать теперь?

Ты сомневаешься? Ты видела человека, который оставил перед банком велосипед. Это он. Это он взорвал нас, это он убил нас, потому что теперь мы мертвые.

Вокруг стало темно, Малин.

А потом – светло, и ясно, и холодно. Словно мы не можем освободиться от самих себя, пока все не будут свободны.

Ты не понимаешь, что мы имеем в виду? Все одинокие люди, которые полны жизни и о чем-то мечтают.

Малин.

Что ты чувствуешь, когда видишь, как нас взрывают? Как нас убивают?

Другие дети живы – те, запертые, – и мы им завидуем.

Но мы не хотим быть там, где они. Там страшно и жутко, маленький мальчик все время плачет, а старшая сестра пытается его утешить, но у нее не получается, не получается, Малин, потому что они одни, им страшно, они боятся темноты, они боятся того, что снаружи в темноте...

Смотри на нас, Малин, увидь нас такими, какими мы были.

* * *

Запись идет без звука, однако Малин кажется, что до нее доносятся голоса девочек. Но она не может разобрать, что они говорят.

Так что она отгораживается от их бормотания и прислушивается к словам Свена Шёмана.

– Считайте это официальным совещанием в рамках расследования, – говорит Свен. – Нам необходимо структурировать нашу работу. До сего момента мы были слишком разбросаны. Первый вопрос: что мы здесь видим?

– Это может быть тот же человек, что и на видеоклипе на сайте Фронта экономической свободы, – произносит Юхан Якобсон. – Или кто-то другой. Однако стиль одежды тот же и телосложение то же.

На этом Юхан замолкает, но остальные видят, что он хочет еще что-то сказать.

– Гнусная сволочь! – шипит он. – Гореть тебе в аду!

Все остальные смотрят на него, стыдясь того, что думают о том же самом, удивленные такой вспышкой гнева – это так не похоже на Юхана. А Вальдемар Экенберг произносит:

– Гореть он будет.

Затем Малин слышит, как Бёрье Сверд делает глубокий вдох.

– Проклятье! Ребята, возьмите себя в руки! Мы все глубоко возмущены произошедшим, но так просто нельзя.

Затем слово снова берет Свен:

– Теперь нам известно, что человек, подложивший бомбу, приехал на велосипеде с северной стороны и удалился на восток. Это дает нам возможность запросить данные с других камер наблюдения. Работа над получением видео уже ведется, – добавляет он. – И еще я хочу получить записи камер, расположенных внутри банка. К тому же мы должны постараться разыскать других людей, фигурирующих в видеозаписи, если мы этого еще не сделали. Нам следует также обратиться к общественности с просьбой о свидетельских показаниях. Видел ли кто-нибудь человека в черной куртке с капюшоном? Обратил на него внимание, узнал его в лицо или, может быть, по фигуре? Разумеется, техническому отделу придется проанализировать и эту видеозапись.

Словно устав от звука собственного голоса, Свен замолкает.

– Соображения? – спрашивает он.

– Складывается впечатление, что он был один, – говорит Зак. – Но мы не знаем, не было ли у него помощников поблизости или в другом месте. Однако с большой долей вероятности можно утверждать, что бомба находилась в рюкзаке.

– Наверняка, – кивает Свен. – Карин это подтвердит. Начнем с Фронта экономической свободы. На сайте показаны филиалы банков из других городов. Я сообщу полиции в этих местах, чтобы они приняли дополнительные меры безопасности. Думаю, СЭПО сделает то же самое. К тому же я задам работу компьютерным экспертам нашего технического отдела. С этого момента они будут направлять все силы на то, чтобы отследить отправителей сообщения Даниэлю Хёгфельдту, видеоклипа и сайта.

– Они свяжутся с «Ютьюбом» по поводу того, кто выложил этот клип? С какого IP-адреса он загружен? – спрашивает Юхан.

– Само собой разумеется. Как вы все понимаете, эта новая группа – наша основная версия. Мы должны их разыскать – любой ценой. Скорее всего, тот мужчина, оставивший велосипед возле банка, – член группы. Юхан, у тебя есть соображения по поводу известных активистов, которые могут стоять за такими действиями? Где прослеживался бы тот же алгоритм – сперва нападение, затем сайт и угрозы...

Остальные члены оперативной группы выжидательно смотрят на Юхана, и Малин замечает, что его это нервирует.

– Гарантирую, что это не правые экстремисты. Это полностью противоречит их идеологии. Зато есть некая София Карлссон, на которую я натолкнулся в своих поисках вчера, она из левых, – говорит он. – Крутая девушка, суровая веганка, которая отсидела срок за поджог фермы по выращиванию норки в Чизе. Ей сейчас лет двадцать пять. Она и ее подельники работали примерно по такой же методике. Называли себя защитниками животных. Я помню ее поведение на допросах. Она была разгневана на все и вся, но вполне адекватна и умна. Судя по всему, живет в Линчёпинге. Вы всегда можете поговорить с ней – это хорошее начало.

– Отлично, Юхан, – кивает Свен. – Малин и Зак, возьмитесь за нее, как только закончится совещание.

– Что-нибудь еще, Юхан? – произносит Свен, и Малин думает: как здорово, что он берет на себя командование, включает свой опыт и свое реноме.

– Из того, что я накопал вчера, интересной мне показалась только она. Но я с удовольствием продолжу свои изыскания.

– Давай, – говорит Свен.

– А СЭПО? – спрашивает Зак. – Им наверняка что-то известно; чего мы можем от них ожидать?

– Ничего, – качает головой Карим Акбар. – Абсолютно ничего.

– Они звонили мне, – поясняет Свен. – Я дал им то, что у нас есть, но у них для нас ничего нет. Во всяком случае, они так утверждают.

Малин видит перед собой с десяток мужчин в черных костюмах. Кошмарный сон – куча народу из службы безопасности, которые ходят туда-сюда и портят все на своем пути необоснованными подозрениями и неуклюжими задержаниями.

– Слава богу, что мы пока не пересекаемся с ними, – произносит Малин, думая про себя: «Эти мерзкие типы из СЭПО наверняка думают, что они круче простых провинциальных следователей».

Она спохватывается, заметив, что сама себя принизила. «Прекрати чувствовать свою неполноценность, Форс! Это не про тебя».

– А национальное управление? – спрашивает Бёрье.

– Нет, черт бы их побрал! – вырывается у Вальдемара.

– В данной ситуации – нет, – отвечает Карим. – У семи нянек...

– Нам предстоит проанализировать видеозапись и клип, – снова произносит Свен.

Затем он умолкает. Смотрит прямо перед собой, словно ожидая, что кто-то другой предложит какую-нибудь версию, но остальные предпочитают отмалчиваться.

– Есть ли еще предложения, как нам решить задачку с Фронтом экономической свободы?

– Привлечь экспертов по внутренней безопасности из университетов страны, – говорит Зак. – Возможно, им что-то известно об этом Фронте.

– Сделаем, – отвечает Карим. – Я лично займусь этим.

– Что-нибудь еще? – спрашивает Свен. – Нам остается лишь надеяться, что что-нибудь появится, когда общественность посмотрит видеозапись и клип.

Малин задерживает дыхание. Прислушивается к дыханию других. Понимает, что надо торопиться – шансы раскрыть преступление наиболее велики в первые семьдесят два часа.

– Хорошо, – говорит Свен. – Тогда мы работаем дальше, как договорились. Этот Фронт может оказаться группой, одиночкой или чем-то еще. В этом мы все единодушны, не так ли? Посмотрим, что еще появится. А теперь к положению дел в целом...

И он подводит итоги, как мог бы вкратце рассказать о поездке в отпуск или о конференции на только что отремонтированной ферме, превращенной в отель.

Ни один допрос на месте происшествия или допрос легкораненых не дал ничего интересного. Однако теперь предстоит расширить круг опрошенных, включив в него всех, кто мог заметить нечто интересное в центре города. Ни сотрудники банка, ни их начальник не отметили ничего особенного. Некоторые сотрудники пребывали в шоке, однако всех удалось допросить.

И еще исламский след.

Там нет никаких зацепок. И допрос имама тоже ничего не дал. Возможно, это была поспешная и неуклюжая мера. Осторожность и уважение в дальнейшем – и прежде всего осторожность!

– Я не хочу, чтобы СМИ обвиняли нас в расизме, – говорит Карим, когда Свен умолкает.

– Он производил впечатление очень разумного человека, – говорит Малин. – И вчера в мечети было полным-полно народу. Они обеспокоены, как и все остальные.

– Хорошо, – кивает Карим. – Но я хотел бы подчеркнуть, что считаю допрос аль-Кабари совершенно правильной мерой. Он как никто в курсе настроений в исламских кругах Линчепинга.

– Эту версию пока оставляем открытой, – отвечает Свен. – В нынешней ситуации мы не можем позволить себе ничего отбросить.

– Я согласен, мы не можем вычеркнуть версию об исламистах. Но все же: теперь нам известно, кто стоит за всем этим, – протестует Вальдемар. – Похоже, это тот самый проклятый Фронт свободы. Зачем невиновный взял бы на себя ответственность за теракт, в котором погибли две девочки?

– Забавы ради, – отвечает Малин и кладет ногу на ногу под столом.

– Это какой-то болезненный цинизм, – восклицает Юхан. – Забавы ради?!

– Или чтобы привлечь внимание к вопросам, которые они сами считают важными.

– Ерунда, – отвечает Вальдемар. – Мы их скоро возьмем.

– Другие версии? – спрашивает Зак. – Криминальные мотоклубы? Грабители, взрывающие банкоматы?

– Насчет грабителей – эту версию мы смело можем закрыть, – отвечает Свен. – На это ничто не указывает. И связей с преступными группировками на сегодняшний день тоже не отслеживается.

– Окей, – произносит Зак.

– А взрывчатое вещество? – спрашивает Бёрье. – Где они его достали? Из чего оно состояло и какие использовались реагенты?

– Это мы узнаем от Карин, и наверняка очень скоро, – отвечает Свен. – Проверьте, случались ли в армии пропажи боеприпасов в последнее время? Или на крупных стройбазах, где продают взрывчатые вещества? Можно ли заказать это через Интернет в Швеции? Похоже, они немного в этом разбираются, Бёрье.

Бёрье разводит руками.

– Да я в этом деле просто любитель. «Книга рецептов анархиста» – дикое, но очень увлекательное чтиво. Думаю, будет легче искать, когда Карин расскажет нам о составе.

За окном открылись двери сада.

Из здания вываливается куча малышей в яркой одежде. Они кидаются играть, наслаждаясь своей способностью двигаться.

Малин думает о Туве, которая сейчас наверняка в школе – о том, как ее движения совершенно не похожи на детские; они ленивые, тягучие, однако осознанные и экономичные, невероятно сексапильные в глазах мальчиков ее возраста. Затем ее мысли перескакивают на отца, который сейчас наводит уборку после вчерашних поминок.

Потом она думает о маме, которая с большой вероятностью уже стала пеплом, и тут ей приходит в голову, что они не обсудили, как поступить с ее прахом. Может быть, его следует где-нибудь развеять? Они не сделали этого после похорон, так что урна, скорее всего, у папы дома. Наверное, его надлежит развеять над каким-нибудь полем для гольфа на Тенерифе. Или она окажется в Роще памяти, куда Малин иногда приходит, когда ее тоска по чему-то невысказанному становится сильнее ее...

«Может быть, я что-то вытеснила из сознания? – думает она. – В таком случае, что именно?»

Однако ей не удастся погрузиться целиком в это чувство. Ее возвращает к реальности голос Свена, который рассказывает, что именно им известно о девочках и об их матери, которую вчера успешно прооперировали, однако ее жизнь до сих пор в опасности.

– Мы пока не можем ее допросить – по мнению врача, с которым я разговаривал, – говорит Свен. – Не раньше завтрашнего дня. Или еще позже.

– Вы все видели видеозапись, – говорит Малин. – Бомба могла быть подложена с целью уничтожить их. Ее взорвали – если она управлялась на расстоянии, – как раз в тот момент, когда девочки вернулись к банкомату.

– Вряд ли, – с сомнением качает головой Вальдемар. – Притянута за уши.

– Малин, Вальдемар прав, – говорит Свен. – Мы можем исходить из того, что эта семья – невинные жертвы.

– Не подумать ли нам об охране Ханны Вигерё в университетской больнице?

– Ты слышала, что я сказал.

Малин кивает, думая о том, что девочки, скорее всего, и есть именно невинные жертвы. Во всяком случае, невинны они при любых обстоятельствах.

Тут слово снова берет Вальдемар:

– Эти свиньи наверняка могли бы пощадить детей, если б захотели. Это точно. Но они, вероятно, намеревались показать, что настроены серьезно.

Глава 14

Время не щадит никого.

Часы на торпеде автомобиля показывают одиннадцать и по радио начинают передавать сводку новостей, когда Малин и Зак сворачивают на Рюдсвеген и медленно проезжают мимо северной ограды кладбища. Деревья за каменной стеной стараются привлечь внимание Малин. Их ветви усыпаны маленькими розовыми цветочками, которые колеблются на ветру, и Малин думает, что цветочки любой ценой хотят остаться, цепляются за ветви, но их борьба обречена на поражение.

Невозможно бороться с тем, кто ты есть. Спросите тех, кто знает, – они вам скажут.

Один важный момент, который изменился в ней с тех пор, как она бросила пить, – ее интуиция или, как сказали бы коллеги, ее способность предвидения обострилась. Более всего во сне. Словно отсутствие алкоголя очищает сознание, делает его более податливым для всего необъяснимого.

Ее это не пугает.

Но она знает, что многих могло бы испугать.

Вместо этого она пытается раскрыться навстречу этим предчувствиям, использовать свой дар видеть больше, чувствовать больше, чем другие.

Но что это может значить?

Бессмысленно пытаться внести ясность в этот вопрос.

Ей это видится так: ветер проносится в кронах деревьев. Ты едва различаешь шепот. Или не слышишь шепот. Все просто, ничего особенного.

Тревожные тени на серых замшелых камнях кладбищенской ограды.

Цветы, вибрирующие от предвкушения жизни и смерти, конца, но и начала. Розовый – цвет всех младенцев, не так ли?

Роща памяти.

Малин не видит ее из-за цветущих деревьев.

Не там ли мама найдет свое пристанище?

– Как твой папаша? – спрашивает Зак.

– С ним вроде всё в порядке.

– А с тобой?

– Со мной?

– С тобой всё в порядке?

– За меня ты можешь не беспокоиться.

– Ты же знаешь – за тебя я беспокоюсь автоматически.

– С какой стати?

Зак смеется.

– Потому что за тобой тянется хвост твоих прежних срывов. Больших и малых. Поэтому.

Малин ухмыляется в ответ. Некоторое время они едут молча.

Малин сосредотачивается на новостях. Взрыв занимает в них главное место. Диктор не говорит ничего нового, затем рассказывает об опустевших филиалах банка, о том, что с разных концов страны поступают сигналы: люди боятся проходить мимо банков.

Заведующий отделом информации банка «Нордеа» заявил, что они усилили охрану всех своих офисов и что они, как и все остальные банки, пока держат свои офисы закрытыми, но с большой вероятностью в течение ближайших одного-двух дней можно будет снова спокойно совершать банковские операции.

– Разумеется, мы со всей серьезностью относимся к случившемуся.

– Кто бы сомневался, – шипит Зак сквозь зубы.

За окном машины такой весенний день, о каком можно только мечтать, когда ртуть в термометре поднимается неожиданно высоко, и лишь несколько случайных облачков омрачают ясное синее небо.

– Ну и хорошо, что эти долбаные банки посидят закрытыми, – продолжает Зак. – До чего же стыдно им должно быть за то, что они натворили в последние годы!

– Что до меня, то лучше уж они были бы открыты – только б не было всей этой истории, – говорит Малин.

– Ясное дело. Я не то имел в виду...

– Знаю.

Они проезжают мимо старой части Линчёпинга.

С каждым днем люди одеваются все легче. Словно все же доверяют весне, теплу – несмотря на все то, что случилось.

Некоторые многоэтажки, мимо которых они проезжают, давно ждут покраски, но муниципалитет вынужден был закрыть этот проект – бюджета не хватило, когда количество безработных в городе резко выросло. Пошли разговоры о том, чтобы на несколько дней в неделю закрывать бассейн «Тиннербексбадет» и сократить расходы на содержание городских детских площадок.

Проклятые банки!

Неужели эти гребаные директора банков и национальные капиталисты не понимают, что от их алчности детям живется хуже? Что малыши рискуют поранить ногу от того, что на неблагоустроенной площадке оторвется доска и вылезут гвозди?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.